Э. Дейноров

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Э. Дейноров

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

Маленькая страна — огромные свершения!

Э. Дейноров

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)
Д27

Scan By Vitautas & Kali

Компьютерный дизайн А.А. Барковской

Оригинал-макет подготовлен издательством «Пилигрим» (Санкт-Петербург)

Дейноров, Э.

Д27 История Японии / Э. Дейноров. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 767, [1] с.

ISBN 978-5-17-073714-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-35086-3 (ООО «Издательство Астрель»)

Эта книга не для тех, кто посвятил себя изучению Японии. Она рассчитана на столь же обыкновенных людей, как сам автор, которых не перестает удивлять необыкновенная страна и ее жители – наши соседи, между прочим. Загадочная Япония постепенно входит в нашу жизнь, становится частью действительности. Уже более полувека эта нация вновь завоевывает мир – но на сей раз мирно, очаровывая, не причиняя никому страданий. Наоборот, такое «завоевание» приносит пользу всем, делает наш мир интереснее и красочнее. Но как островитяне смогли выжить в бесконечных междоусобных войнах, отразить набеги агрессоров, зарившихся на архипелаг? Как сумели за полвека превратиться из закрытой и неизвестной страны – «терра инкогнита» Дальнего Востока – в мощную великую державу? Как умудрились не сломаться под дождем из напалма, а затем и под ядерными ударами в конце Второй мировой? И не просто пережить кошмарные времена, а быстро восстановить утраченное и снова занять подобающее место в мире, сделаться передовой нацией?.. Нам следует знать ответы на эти вопросы. Они будут полезны и для нас. А для начала стоило бы покончить с нашей неспособностью удивляться, с ленью и отсутствием любопытства. Вряд ли эта книга даст какие-то исчерпывающие ответы. Но она вызовет желание продолжать их искать, пробудит интерес к Японии и главному богатству этой страны – ее людям.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)

© Э. Дейноров, 2011
© ООО «Издательство Астрель», 2011

Часть IX

Начало эры Мэйдзи (1867–1894 гг.)

Буржуазно-демократические реформы

Глава 38

«Открытие» Японии

Налицо были все признаки первобытно-пасторальной цивилизации, и Ян Маартен постарался освежить в памяти инструкции, напечатанные в четвертом томе «Рекомендуемой методики по осуществлению Первого Контакта с так называемыми первобытно-пасторальными мирами», выпущенном Департаментом психологии инопланетян.

Р.Шекли, «Что в нас заложено»

Официально эра Мэйдзи началась со вступления на трон нового императора Муцухито, чьим девизом и стало «Светлое правление» («Мэйдзи»). Но перемены стали происходить намного раньше. Поэтому наш рассказ коснется и последних лет существования режима Токугава.

Недаром в самом начале правления клана Токугава страна была закрыта для внешнего мира. Оказалось, что при соприкосновении с ним этот режим должен рухнуть. Вопросы заключались в следующем: насколько болезненным окажется этот процесс и что будет с Японией дальше? А вот лучший ответ на них сумел дать человек, от которого можно было ожидать лишь четкого исполнения главных синтоистских ритуалов. Но это произошло не сразу, и строительство новой Японии оказалось очень трудным делом.

Россия и Америка: просто дипломатия и «дипломатия канонерок»

Как Япония представляла себе весь остальной мир, отлично понятно из трактата Сэйсисая Асидзавы «Синрон», созданного

в 1825 г. Отрывок из него приводится в работе А.Н.Мещерякова, посвященной императору Мэйдзи. «Земля пребывает в своей твердости, она совершенно круглая, без граней и углов. ...И наша Божественная Земля расположена на самом верху земли. Хотя она не отличается обширностью, она управляет каждым уголком в этом мире, поскольку там никогда не менялась ни династия, ни форма верховной власти. Различные страны на Западе соответствуют ступням и ногам тела. Вот почему их корабли изредка приплывают в Японию. Что до страны, расположенной среди морей, которую западные варвары называют Америкой, то она расположена в самом дальнем уголке земли; поэтому-то ее люди глупы и просты, они не умеют ничего делать...»

Неясно, чего здесь больше – глупости или наивного самодовольства. Через очень короткое время американцы доказали, насколько они «глупы и просты».

Но не будем судить японского автора слишком строго. Во-первых, давно ли минули времена, когда европейцы утверждали еще большие глупости, а несогласные с утверждениями попадали на костер. Больше того, по части самодовольства и помещения себя в центр планеты всей Асидзава даже проигрывает иным историкам и идеологам XXI века. (Особенно – в странах, едва получивших независимость. Там историки то производят генеалогию своего народа непосредственно от потомков Ноя, то возводят свой род к римским императорам, а иной раз скатываются до утверждений, из коих следует: первая обезьяна, которая слезла с дерева и взяла в руки палку, уже обладала паспортом с указанием соответствующей национальности. И все это – вполне серьезно, иногда такую чушь преподают детям). Так что японцы, конечно, совершали глупости, но не больше, чем те же европейцы.

Во-вторых, при всей наивности утверждений Асидзавы в них чувствуется немалый страх. В Японии было прекрасно известно, что гигантский Китай понемногу покоряется европейским христианским «варварам». Пока что Япония интересовала их в не самой значительной степени, но времена быстро меняются.

Природные ресурсы Японии «варваров» не интересовали. Но развивающийся капитализм был весьма заинтересован в рынках сбыта. Уже много раз европейцы (а в их числе ближайшая соседка Японии – Россия) искали контактов. Но их пока что не было. Летом 1852 г. русский корабль «Князь Меньшиков», принадлежавший российско-американской компании, доставил в страну рыбаков, потерпевших кораблекрушение. Быстро выяснилось, что простые японцы проявляют огромный интерес и к пришельцам, и к их судну. Но чиновники отказались принять репатриантов, их пришлось высаживать подальше от гавани.

В Японию могли прибывать лишь голландцы, но и их принимали со многими ограничениями. Самой страны голландские торговцы не видели. Но именно ими и была передана ошеломляющая новость – на следующий год ожидается визит американских судов. Сторонники свободной торговли не могли упустить Японию из виду. Спокойствию и размеренному существованию наступал конец.

Во флотилию коммодора Мэтью Перри, которая показалась вблизи Эдо летом 1853 г., входило два невиданных в Японии судна – колесные пароходы. Они могли показаться монстрами. На кораблях было установлено свыше 60 крупных пушек. «Политика канонерок» – это вещь, с которой странам, отставшим в развитии, нельзя не считаться.

У Перри были все основания требовать открытия страны, и дело здесь не только в свободе торговли. Американцы развивали китобойный промысел в северной части Тихого океана. Их суда порой нуждались в пополнении запасов, а для этого необходимы открытые порты. Пароходы требовали угля, а запасы топлива можно было отыскать в Японии.

Коммодор Пери не желал говорить с мелкими чиновниками сёгуната. К него имелось послание президента Филмора к «великому и хорошему другу» – так он титуловал императора, хотя документ попал к сёгуну.

Правительство бакуфу решило тянуть время, но американец оказался слишком настырным. Было заявлено, что следует ждать ответа через год, поскольку сёгун Иэёси тяжело болен.

Но это Пери ответил: на первый раз он подтверждает дружеские намерения своего правительства, поэтому прибыл с малой эскадрой. А через год флотилия окажется куда больше...

Американцы ушли, а сёгун Иэёси Токугава, который и в самом деле был болен, вскоре скончался. Правительство бакуфу оказалось в очень тяжелой ситуации – нужно назначить наследника и одновременно понять, что делать с американцами.

Была проведена невиданная доселе работа: опрос даймё, их вассалов и даже простых жителей Эдо. Им предстояло высказаться о том, как избавиться от опасности.

«Разброд и шатание» не позволили создать ничего, похожего на народное ополчение или национальную гвардию. Что же до «умных советов», то попадались и предложения перегородить залив или добраться до арсеналов кораблей под видом мирных торговцев.

Тем временем корабли пожаловали быстрее, чем предполагалось, – но это были на сей раз русские, а не американцы.

Эскадра вице-адмирала Е.В.Путятина тоже получила дипломатическую миссию. Но плавание заняло еще больше времени – пришлось отбывать из Кронштадта.

Русские оказались куда более дружелюбными, и четыре судна, среди которых оказался и знаменитый фрегат «Паллада», пришли в бухту Нагасаки, а не в Эдо. Путятин тоже передал послание сёгуну. То, что оно было переведено на голландский и китайский языки, а не на японский, говорило об одном: с организацией изучения японского языка, предпринятой еще Петром, ничего пока что не вышло.

Русские сообщили о желании открытия портов. Но не менее важной стала идея территориального раздела по проливу Лаперуза. Четкой территориальной принадлежности Сахалина и Курил в то время установлено не было. Но вполне понятно, что сёгунского ответа пришлось подождать. И русская эскадра ушла в Шанхай.

Осенью император утвердил нового сёгуна. Им стал Иэсада Токугава, явно компромиссная фигура, человек, не обладающий достоинствами политика и абсолютно непохожий на первого сёгуна из своего рода.

Путятин вернулся в декабре. Он убеждал принять предложенный им план, демонстрировал японским чиновником выгодность контактов. В новинку было все – от стульев, которые вице-адмирал приказывал выносить с корабля для своей делегации (сидеть на циновках считалось странноватым делом для европейца) до карманных часов и действующей модели паровоза. Кстати, с этой моделью японцы поступили, как когда-то с мушкетами: они разобрали ее, провели осмотр и даже сделали копию.

Русский писатель И.А.Гончаров находился с Путятиным на борту фрегата «Паллада». По его мнению, японцы боялись «вещизма», который принесут с собой европейцы. За свои странные вещи они потребуют действительно важные материалы.

Что ж, мнение японских чиновников в какой-то мере можно посчитать оправданным. Такое и в самом деле случалось много раз, случается и сейчас в странах, ставших «сырьевыми придатками». Но у любого народа есть выбор – быть таким сырьевым придатком или нет. Японцы сделали свой выбор еще при сёгуне.

Перри вернулся в январе 1854 г. Он-то не стал соблюдать этикета – и появился в заливе Эдо. Ему требовался ответ. Русские старались уговорить сёгунат, американцы угрожали государству. Но оказалось, что угрозы действеннее.

Японцы, скрепя сердце, разрешили американским судам заходить в порт для пополнения запасов. Но предложение о «свободной торговле» получило решительный отказ. Что же до нескольких самураев, которые захотели переправиться через океан, то власти арестовали их и для острастки выставили в клетке на берегу.

На сей раз Перри тоже демонстрировал преимущества цивилизации. Кроме второй модели паровоза он подарил еще и аппарат Морзе, множество книг и... большое количество виски. Как и во многих случаях, американцы намеревались победить аборигенов с помощью «огненной воды».

Теперь правительство бакуфу поняло, сколь ошибочно было запрещать строительство больших судов. Ведь даже после столкновения с Ли Сун Сином не было сделано надлежащих выводов,

жители морской страны оставались, в основном, сухопутными. В Голландии спешно заказали несколько пароходов, а заодно и выбрали флаг – красный круг в белом поле. Как правило, торговый флаг становился в то время и государственным.

В ноябре вновь прибыл Путятин. Его экспедиция выдалась крайне несчастливой: в этот день произошло землетрясение и цунами, его флагман – фрегат «Диана» – затонул. К счастью, удалось по чертежам построить небольшую шхуну «Хэда». При этом русским помогли японцы.

Выбраться оказалось весьма сложно: началась Крымская война.

Русские все же нарушили законы чужой страны. Если американцы высадили на берег чересчур любознательных самураев, то наши моряки тайно провели на «Хэду» еще одного любопытного самурая – Косая Татибану. Он считался объявленным вне закона и, возможно, уже до встречи с моряками Путятина был христианином. Это имело некоторые последствия в дальнейшем.

Договор о дружбе с Россией все же заключили чуть позже. Предусматривалось открытие для русских судов трех портов, размежевание между островами Итуруп и Уруп, совместное проживание японцев и русских на Сахалине, работа консульства. Было прописано и право экстерриториальности для русских. Вот на нем стоило бы остановиться поподробнее, ибо даже само это слово понятно не всем.

Право экстерриториальности – это право неподсудности. Русских (а также, после заключения договоров, и иных иностранцев) нельзя было судить по японским законам. Их передавали русскому (британскому, американскому и т.д.) консулу.

Можно истолковать это право «политкорректно» – как орудие колониальной политики. Но есть и иные соображения.

Понятно, что законы стран мира не унифицированы. То, что в одной стране считается тяжким преступлением, в другой не подпадает даже под административное правонарушение. Иной раз дело происходит в абсолютно неправовом государстве, и о независимости судебного разбирательства остается лишь мечтать. Увы, права экстерриториальности теперь нет.

Широко распространено мнение, что правительство США защищает своих граждан по всему миру. Но в действительности это совершенно не так. Нам известны случаи, когда русского человека сажают в тюрьму с немыслимыми условиями за мелкое браконьерство на Мадагаскаре или когда американец подвергается жестокому и унизительному наказанию в Сингапуре или в Саудовской Аравии за то, что считается вполне нормальным у него на родине. И делается вид, что ничего не происходит – в мире царит равноправие, господа...

Великим цивилизованным державам стоило бы подумать, нужно ли им это равноправие. И не следует ли вернуться к практике экстерриториальности, принятой в XIX в. (Возможные возражения «равноправных» развивающихся (и неразвивающихся) стран вряд ли могут быть подкреплены хоть чем-то серьезным). В конце концов, свои граждане должны быть для собственных властей предпочтительнее, чем чьи-то еще...

...Итак, японцами были подписаны (но не от имени императора) договоры с Россией, США, а впоследствии – с Англией и Голландией. Но русские добились своего без нацеленных на берег пушек.

Император не бездействует

Что же император, о существовании которого европейцы если и знали, то не считали главой государства? А он начал свою работу по исправлению ситуации со смены девиза правления. Напомним: эти девизы могли меняться, и лишь с правлением Мэйдзи с ними наступила некоторая ясность. Девиз – это не просто несколько иероглифов, в нем заключена некая магия, под защитой которой жил и сам монарх, и страна. По ним же отсчитывалось время. Если государство терпело бедствия, девиз меняли.

На сей раз был избран девиз «Ансэй» – «Спокойное правление». Его утвердил сёгунат, без разрешения которого император не только не мог ступить и шагу, но даже не смел умереть. Так, поскольку было принято, что монарх должен оставить престол и уйти в монахи, а государь Нинко позволил себе такую вольность, как кончину без отречения, пришлось все сделать

посмертно. В сёгунскую столицу направили просьбу о дозволении покойному отречься от престола. И сёгун милостиво согласился...

Смена девиза не помогла, в 1855 г. страну потрясло крупное землетрясение, удар пришелся на район Эдо. К тому же, и чужеземцы не собирались исчезать. И многие истолковали происходящее так, что сёгунат утратил божественный мандат на правление (мы сказали бы – «кредит доверия Небес»).

Сёгунат пытался усилить береговую оборону, но было ясно, что нет ни достаточных средств, ни нужных технологий.

В 1856 г. в Японию прибыл американский консул Т.Гаррис. Лишь на следующий год сёгун дал аудиенцию Гаррису в Эдо. Консул передал новому сёгуну Иэсаде послание президента США. А главе администрации бакуфу Масаёси Хотта он намекнул: если в страну вторгнется Англия, то последствия будут куда хуже. Американцы могут запретить ввоз опия в Японию, и она не превратится в новый Китай...

Даймё, тем временем, высказывали недовольство сёгунатом, который не в состоянии изгнать чужеземцев и плохо управляет державой. Требовалось реформа, которая, хотя бы, могла затронуть всех князей. Но эти рассуждения не получили поддержки. Высшие феодалы возражали против торгового договора с Америкой, и Масаеси решил сделать немыслимое в прежние времена: он отправился в Киото, дабы император (как казалось, это просто очень важная формальность) одобрил заключение трактата.

Но Комэй трактат не одобрил, и это тоже произошло впервые. Решения принимались сёгунатом, но император исходил из иных логических построений, хотя и очень мало связанных с реальностью. «Жители страны облагодетельствованы уже одним тем, что находятся в сфере действия сакрального и всеблагого энергетического поля императора, поля, которое из дикарей превращает их в «настоящих» и полноценных людей. Варварами же являются существа, находящиеся за пределами этого поля», – говорится в книге А.Н.Мещерякова «Император Мэйдзи и его Япония». Если логика такова, то ксенофобия оправдана, хотя и не связана с обычным для нас понятием национализма.

Безусловно, подобные построения кажутся нам безумием. Но мы живем в совершенно ином обществе, и уж, конечно, показались бы и Комэю, и японцам того времени закоснелыми варварами.

Посему император поставил перед собой задачу изгнать чужаков. И воспользовался своим главным правом – возможностью прямого обращения к богам. Среди прочих вспомнили и о боге войны Хатимане – том самом, чья «словоохотливость» в древности едва не довела династию до беды. Комэй звал на помощь «божественный ветер»... но договор с США все же заключили. Он предусматривал открытие портов Иокогама, Нагасаки, Ниигаты, Кобе. Американским торговцам разрешалась даже деятельность в Эдо.

Договор все же был неравноправным: его заключала одна сторона, выкрутив руки другой, он не имел определенного срока действия, а Япония не могла пересмотреть его условия. Кроме того, территории портов становились «государством вне государства».

Новым переговорщиком стал Наосукэ Ии. Он-то и сконцентрировал на себе недовольство. Конечно, неприятности от договора для нас почти не видны, зато мы способны понять несомненную пользу. Но японцы эпохи Токугава воспринимали его очень болезненно. «Варвары» навязывают условия самой окультуренной стране!

Император хотел отречься немедленно, но его все же убедили не делать этого. Да и основной наследник пока был слишком мал.

А договоры с упоминанием статуса наибольшего благоприятствования продолжали заключаться – теперь уже с Британией, Голландией, Россией, Францией... Все получали льготы. Мало того, впервые информация свободно циркулировала в обществе.

Тем временем скончался сёгун Иэсада Токугава, и встал вопрос об избрании нового. Даже смерть диктатора старались держать в секрете от императора. Как только Комэй узнал о том, он сметил канцлера – сторонника контактов с «варварами» – и заменил его новым, не посоветовавшись с бакуфу. Тут же пос-

ледовали меры: в Киото полномочный представитель сёгуната начал репрессии против самураев и придворных, слишком горячо желавших прогнать иноземцев. Комэю очень четко намекали, где его место.

Новым сёгуном сделали Иэмоти Токугаву – двенадцатилетнего подростка, который нисколько не походил на грозного основателя сёгунской династии, и которым можно было легко управлять. Вопрос был решен отнюдь не добрым согласием: имелась и кандидатура вполне взрослого сторонника закрытия портов – Ёсинобу из княжества Мито. Его поражение стало роковым для ситуации.

В 1860 г. появилась надежда примирить двор и сёгунат при помощи «политического бракосочетания». За сёгуна Иэмоти было решено выдать принцессу Кадзуномия, младшую сестру Комэя. Брак был выгоден, но ни сама принцесса, ни император этого не хотели. Государя убеждали, что брак позволит влиять на бакуфу, – и убедили. Но было заявлено: Кадзуномия выйдет замуж лишь в семнадцать лет (пока что ей было пятнадцать), она будет жить в Эдо в той же обстановке, что и в Киото, но главное – соблюсти интересы всей страны, а не только клана Токугава. А это означает закрытие страны.

А страна как раз только-только открывалась. Для России открытым портом был Хакодатэ, и вскоре там появилось и консульство, и православная миссия, которую возглавлял отец Николай (Касаткин). В тот момент, вероятно, никто еще не предполагал, что в центре бывшей сёгунской столицы появится православный храм.

Открылась и Иокогама. Бывшая деревня очень быстро превратилась в город – притом, не лучший. «Государство вне государства» оказалось сродни публичным домам, а впоследствии – и притонам для не самых лучших представителей японцев и европейцев.

Глава 39

От японского терроризма – к гражданской войне

Любовь к свободе не позволяет кошачьим солдатам прожить хотя бы три дня без убийства, но война с иностранцами для них вещь совершенно невозможная. Большой Скорпион прибавил с удовлетворением, что «способность к взаимной резне день ото дня возрастает и методы убийства стали почти такими же утонченными, как законы стихосложения».

Лао Шэ, «Записки о Кошачьем городе»

Увы, решение вопросов при помощи терактов возникло не сегодня. Хорошо бы, чтоб эта традиция все же умерла при нашей жизни, но такая надежда кажется слишком радужной.

В Японии терроризм набрал силу вскоре после открытия портов. Нам известен самый яркий пример японского терроризма в отношении русских (но о нем будет сказано позднее). Но все дело в том, что это – всего лишь звено в огромной цепи событий. И первыми жертвами оказались не иностранцы, а свои. Видимо, привычка бить своих, чтобы чужие боялись, свойственна фанатикам независимо от национальности.

Меч против «варваров»

В марте 1860 г. был убит Наосукэ Ии – человек, с которым связывалось заключение договоров. Убийцами стали самураи, притом – не из самых высших кругов, а как раз те, кто был ли-

шен даже совещательного голоса при принятии решений. Большинство террористов оказались из княжества Мито – того самого, из которого происходил и отвергнутый (не без влияния Наосукэ) претендент на пост сёгуна.

Террористы сочли, что Наосукэ не оказывал почтения императору и нарушал его волю – за что и должен поплатиться. Головой.

Паланкин Наосукэ охранялся хорошо, но самураи использовали эффект неожиданности. Охраняемую персону убийцы вытащили из паланкина, после чего привели свои намерения в действие. Разве что голову не смогли утащить.

Уже тогда террористы использовали способ сообщения о намерениях – конечно, это был не телефонный звонок, а подметное письмо. Было заявлено, что вельможу покарало Небо – за договоры, за неверную внутреннюю политику.

Понятно, что следующими мишенями должны были стать чужие. Впрочем, как выяснилось, террор начался еще раньше. В Канагаве под Иокогамой был убит русский мичман и матрос. Самураев отловить не удалось, а японские власти заявляли, что убийца был один – и он уже покончил с собой.

Вот теперь стало можно понять все блага экстерриториальности для иностранцев.

В следующие годы убийства продолжались. В 1862 г. погиб переводчик американского консула. Примерно в это же время едва не погиб Нобумаса Андо, член совета старейшин сёгуната, сторонник «политической женитьбы» принцессы и сёгуна Иэмоти. Лишь благодаря охране он сохранил жизнь. Считается, что Нобумаса был наиболее способным человеком бакуфу.

В августе того же года произошло событие, которое привело к боевым действиям. Британский торговец Чарльз Ричардсон был зарублен во время конной прогулки неподалеку от Иокогамы. На сей раз это оказался не спланированный теракт. Ричардсон не спешился, когда оказался рядом с процессией даймё Хисамицу Симадзу, и его самураи разделались с «нахальным иноземцем».

Инцидент оказался крайне серьезным, поскольку Хисамицу был фактическим хозяином княжества Сацума и незадолго до

того фактически открыто выразил поддержку императору. Более того – он направил в Киото тысячный отряд самураев, решив, что государя плохо охраняют. (Комэя охраняли сёгунские войска).

«Охранники» прямо заявляли, что сановники, не желающие изгнания иноземцев, должны лишиться должностей. Поскольку это требование никто не выполнял, тех сановников стали лишать голов, и Комэю пришлось приказать даймё хоть как-то управиться со своим воинством.

А «воинство» теперь вознамерилось действовать на свой страх и риск, и гибель торговца Ричардсона была лишь одним эпизодом в развернувшейся кампании террора. К тому же, англичанин нарушил японские законы. Поэтому Хисамицу отказался выдать своих охранников британской стороне.

Англичане потребовали не извинений, а крупной компенсации в 25 000 фунтов стерлингов. И пришлось на это, в конце концов, согласиться. Конечно, нельзя сказать, что гибель Ричардсона вызвала такое уж жгучее желание разобраться с проблемой. Просто британцы использовали ее, как предлог, чтобы показать, кто на самом деле в доме хозяин.

Англичане старались оказать давление не только на японцев, но и на своих же партнеров по «вскрытию» страны. Так, в 1861 г. русские предприняли попытку создать свой порт и военно-морскую базу на Цусиме. Это можно было сделать в обход сёгуната при договоренности с местным даймё. Однако тут же был спровоцирован ряд инцидентов, а затем английская эскадра все же выдавила Россию с острова. Правда, и сами англичане ничего там не построили, не желая слишком серьезно портить отношения с другими европейскими странами. Цусима не стала открытым портом. Но если бы нашим морякам удалось их предприятие, и база просуществовала бы до начала XX века, история вполне могла сложиться иначе...

...Свадьба сёгуна с принцессой Кадзуномия все же состоялась. Император велел любимой сестре сделать все возможное, чтобы ее будущий супруг выполнил программу по изгнанию иноземцев. Десять тысяч самураев из лояльных императору княжеств сопровождали ее свадебную процессию от Киото

до Эдо. Сколько всего человек участвовало в этой процессии, сложно и вообразить. Боялись, что в последний момент невесту могут похитить, пришлось предпринять невероятные меры предосторожности и против террористов, и против дурных примет и предсказаний – так что путешествие выдалось долгим, а маршрут оказался весьма извилистым.

Дипломатические миссии

В обществе шел процесс брожения. Не все боялись иностранцев, как юная принцесса. У большинства японцев проснулось вполне нормальное человеческое любопытство. Особенно – в Иокогаме, где даже открылся особый вид бизнеса: там стали брать деньги за то, чтобы в ресторане можно было поглазеть на чужаков. Стоит ли говорить, как хорошо расходились гравюры «укиё-э», посвященные жизни пришельцев!

Правда, надо сказать, художники часто проявляли незнание: увидеть удавалось не все, кое-где включалось авторское воображение – и скрипка в руках иностранца становилась неуловимо похожей на японский сямисэн, а лица торговцев – совершенно одинаковыми.

Но любопытство – это одно, важнее было освоиться и изучить привычки друг друга. Например, перестать удивляться огромному (для японцев) количеству мяса, которое поглощают европейцы.

Были дела и куда серьезнее – обучение «европейской науке». С этой целью в 1860 г. большая делегация, представлявшая бакуфу, впервые отправилась в плавание в Америку. К счастью, мучившиеся страхами и сомнениями дипломаты припомнили прецеденты периода Нара и Хэйан, когда японские посольства плавали в Китай.

Первым государством, которое посетила миссия, стали, однако, не США, а относительно независимые Гавайские острова, где они японцы даже получили аудиенцию с королем. И лишь в дальнейшем им пришлось поражаться американцам и их привычкам: ходить в присутственном месте в уличной обуви, есть вилкой и ножом, совершать рукопожатия – все это виделось каким-то невероятным искажением привычных нравов. А женщины, кото-

рым уступают место, которые смеют говорить с гостями в присутствии мужей! А мэр Сан-Франциско, который появляется без многочисленной приличествующей случаю свиты! Конгресс США, похожий не на государственный орган, а на сборище перекрикивающих друг друга рыночных торговцев! И, наконец, президент Джеймс Бьюкенен, вышедший к гостям даже без сабли!

Вот таким варварским видели японцы Запад.

Конечно, кое-что показалось нужным и важным. Например, транспорт или книги, которые дипломаты приобретали в огромном количестве – но научные и практические. В отличие от хэйанских аристократов, бывавших в Китае, художественную литературу не брали.

Посольство возвратилось, и отчеты убрали с глаз долой: того главного, что отличает цивилизованную страну от варварской, свободы информации, в Японии тогда не было.

В 1862 г. еще одно посольство во главе с Симоцукэ Такэноути отправилось в Европу. Визит представлялся масштабным, следовало посетить Лиссабон, Париж, Лондон, Амстердам и Санкт-Петербург. Больше того, целью стало не только ознакомление, но и отсрочка открытия ряда портов. Дело было уже не в нежелании открываться миру, причина оказалось иной: правительство бакуфу не могло обуздать терроризм, порты оказались бы опасными для иностранных граждан.

Плавание оказалось не вполне безопасным: в США разразилась гражданская война, и к Британии (ей принадлежало судно, на котором находилась делегация) ощущалась враждебность. Самураям из посольства даже пришлось однажды подготовить мечи к бою, поскольку ожидалась атака на британский корабль.

Европейцы пошли навстречу в вопросе об открытии портов, правда, при этом настояли на снижении импортных пошлин.

В Париже послов принял император Наполеон III. И вновь японцы поразились скромности: свита у государя была, но очень малочисленная, что соответствовало бы небольшому рангу в феодальной иерархии Японии.

В Лондоне, совершенно независимо от делегации, шла всемирная выставка, где стараниями английского посланника Ол-

кока были богато представлены и экспонаты из Японии. Именно это стало началом открытия японской культуры в Европе.

Произошла встреча и с прусским королем. Но самым интересным оказалось посещение Санкт-Петербурга. Здесь японцев приветствовали по принципу «чувствуйте себя, как дома». Палочки для еды, деревянные чурбачки вместо подушек, японская еда... Все это было почти подозрительно.

А подозрения оказались вполне уместными. Косай Татибана, самурай или даже ронин, бежавший не без помощи русских моряков посмотреть на белый свет, звался теперь иначе – Владимиром Яматовым. И был он сотрудником российского МИДа.

Император дал аудиенцию главе посольства. Но важнее было решить территориальный вопрос – об острове Сахалин. Россия хотела заполучить его целиком (кстати, о том, что это именно остров, русские узнали сравнительно недавно, а японцы – в самом начале XIX века). И название его вовсе не японское – настолько, что на просьбу начертать иероглифами название глава посольства Такэноути не смог этого сделать, слишком новой оказалась осваиваемая территория. Но Япония надеялась получить его южную часть. Однако пока что вопрос об острове был не экономическим, он связывался лишь с государственным престижем. Борьба вокруг «северных территорий» начнется значительно позднее.

Боевые действия в ограниченном масштабе

Все когда-то делается впервые. Вот и сёгун впервые отправился с визитом в императорскую столицу в марте 1863 г. Естественно, Комэй убеждал его изгнать иностранцев, естественно, их двоих убеждали в том же придворные. Кстати, придворным в те дни жилось отнюдь не весело. Еще одной жертвой терроризма пал конфуцианец Дайгаку Икэути. Террористы отрезали его уши и отправили страшноватые «подарки» двоим сановникам, один из которых был воспитателем наследника престола. Оба предпочли не испытывать судьбу, спешно заболеть и уйти в отставку.

Террористы строго наказывали от имени Неба даже статуи сёгунов из клана Асикага, которые не захотели обеспечить нор-

мальной жизни императорам. Их ритуально казнили (намекнув и нынешнему сёгуну, что его ждет, если он не подчинится воле государя).

Все случается когда-то впервые. И император Комэй, узник дворца, отправился помолиться в синтоистские святилища. Такого передвижения монарха не знали в Киото с начала XVII в.

Государь не хотел отпускать сёгуна, который вполне изъявил покорность, обратно в Эдо. Они планировали вместе посетить храм Хатимана. Но Тадамицу Накаяма, дядя наследника престола, известный своей ненавистью к чужеземцам и подозреваемый в «акциях небесного возмездия», исчез из столицы. Посчитали, что он готовит покушение на жизнь сёгуна, и император отказался от своих планов. А в Эдо шел переговорный процесс по делу Чарльза Ричардсона. И англичане перешли от требований к угрозам обстрела.

Все же в апреле того года паломничество состоялось. Предполагалось, что в храме император пожалует сёгуну меч. Это станет не только символом будущего изгнания иностранцев, но и обозначит вассальное подчинение сёгуна императору.

Но планы сорвались. Иэмоти Токугава неожиданно простудился и разболелся, у Ёсинобу (того самого неудачливого претендента в сёгуны) вдруг расстроился желудок. Никто вассалитета не хотел.

Пришлось пообещать, что иностранцы будут изгнаны к 10 мая 1863 г. Как Иэмоти Токугава намеревался уложиться в этот срок, было загадкой не только для последующих поколений историков, но, вероятно, и для него самого.

Как раз за день до предполагаемого срока британцам передали средства в уплату за гибель Ричардсона. Но сёгун и впрямь решился исполнить обещание, данное императору: правительство бакуфу заявило о закрытии портов. 10 мая береговые орудия юго-западного княжества Тёсю обстреляли американский корабль, затем были атакованы голландцы и французы.

Увы, самураи не представляли, что причина свалившегося на них успеха – не бог Хатиман и не «божественный ветер». Просто быстрого сообщения с Европой тогда не было, а связываться

с аборигенами на свой страх и риск в обход рекомендаций от правительств никто не жаждал. К тому же, это не сёгунат вел боевые действия, а некое княжество... Так в Иокогаме появились британские и французские солдаты – и пришлось разрешить их пребывание, стерпеть этот удар.

Англичане получили компенсацию от центрального правительства, но требовали денег и от даймё Сацумы. Мотихиса Симадзу не собирался ни выдавать якобы скрывшихся убийц, ни платить. И в заливе у Кагосимы, центра княжества, появились английские боевые корабли.

По англичанам с берега открыли огонь. Они ответили. Погибло 11 европейцев, но в Кагосиме начался пожар. Однако там праздновали победу, хотя англичане удалились просто потому, что выполнили миссию устрашения.

Комэй поздравил сацумцев. Воодушевившись, он даже провел военный смотр и лично на нем присутствовал, что тоже было отходом от традиций. На радостях государь заявил, что возможно сам возглавит поход против «варваров», а заодно решил испросить на то благословения Дзимму-тэнно и других родовых божеств в их святилищах.

Боевые действия, однако, быстро прекратились. Стало понятно – «варвары» пришельцы или нет, их технологии пока неодолимы. И нужно учиться у них. Поэтому все то же ксенофобское княжество Тёсю первым направило студентов на обучение в Англию.

В то же время в 1864 г. самураи из Тёсю предприняли попытку ликвидировать сёгунат. Не слишком большой их отряд расположился в Киото, чтобы уже там составить план дальнейших действий. Например, как перевезти государя в Тёсю. Сёгунский отряд арестовал некоторых из них, остальных перебили. И это лишь спровоцировало появление в императорской столице тысячи самураев, которых было трудно остановить. Они намеревались поджечь город, убить губернатора, поставленного бакуфу, забрать под свою защиту императора и заставить сёгуна, наконец, выполнить задуманное – выгнать иностранцев. Как водится, первым погиб от их рук еще один конфуцианец – сторонник открытия Японии.

Императору пришлось отдать приказ подавить мятеж людей, фактически выступавших за него. Ведь «царь» для этих самураев был неизменно хорошим, а вот «бояре» из сёгуната – не слишком-то...

19 июля войска княжества Тёсю атаковали дворец. Но сделать они ничего не смогли. Особо отличился в подавлении восстания сацумский самурай Такамори Сайго со своим отрядом.

Все же натворить до разгрома мятежники смогли немало: 28 тысяч домов Киото стали жертвой ненависти ко всему иностранному. Их все же сожгли...

А 5 августа англо-франко-американо-голландская эскадра обстреляла Симоносэки – центр Тёсю. Атака на этот город стала акцией возмездия за атаки на иностранные суда. Времени прошло немало, указания от своих правительств были на сей раз получены.

Пришлось даймё соглашаться на контрибуцию (формально – за то, что гуманные европейцы не сожгли Симоносэки, хотя могли это сделать!) Заодно были конфискованы береговые орудия.

А.Н.Мещеряков указывает, как относились к событиям мирные жители – крестьяне. «Они грузили конфискованные европейцами пушки, пребывая во вполне радостном настроении. Ничего похожего на чувство «национального» или же «княжеского» позора они, похоже, не испытывали».

И не надо осуждать крестьян за непатриотизм. Просто народ, жестко разделенный по сословному признаку или по признаку обладания богатством, когда одним достается все, а другим – ничего, – это не нация. Ни о каком единстве речи в таком случае не идет.

После этого княжество Тёсю надумал покарать и сёгунат. По крайней мере, он пригрозил крупной армией, которая подступила к территории княжества. Но даймё принес извинения. Не простые, а материальные – головы трех зачинщиков мятежа, которых господин приговорил к почетному ритуальному самоубийству.

А иностранцы получили финансовый рычаг власти: мы вам уменьшим контрибуцию, вы нам – откроете очередной порт

(Хёго, в будущем – Кобе). При этом дать согласие должны были и сёгун, и император. А если ответ не последует через неделю... в общем, лучше, чтобы он последовал.

Двое сановников правительства бакуфу решили, что надо выполнить требования. Император же лишил их рангов и отправил под арест. Заодно иноземцы поняли окончательно, что в стране есть кто-то поважнее сёгуна. Теперь пришлось и Комэю участвовать в переговорах. Он, скрепя сердце, одобрил неравноправные договоры, но Кобэ все-таки не открыл.

Контакты разного рода

Будет несправедливым говорить о том, что вся Япония относилась к иностранцам, как к варварам. Это было совершенно не так. Пока двор раздумывал, как выставить иностранцев, некоторые князья уже решились самостоятельно отменить запреты на выезд за границу – по крайней мере, для своих подданных. И сёгунат этому уже не мог никак воспротивиться. Мало того – он сам посылал людей за рубеж.

В 1866 г. в Америку и Европу отправилась труппа из восемнадцати бродячих актеров. И это произошло впервые. Более того, практически впервые из страны выехали простолюдины.

А вот учиться русскому языку отправились юноши из знатных семейств, обосновавшихся на еще весьма слабо колонизированном Хоккайдо. Их образование стало заботой сёгуната. Между прочим, во флотилии, уходившей из Хакодатэ, присутствовал и русский корабль с названием «Варяг».

Сацума уже без ведома бакуфу отправляло студентов в Англию. Именно эти люди с европейским образованием стали впоследствии теми, кто успешно провел реформы, на кого мог опереться император Мэйдзи. Так выковывалась новая элита страны.

Привычный мир рухнул, революция уже произошла, и теперь, как ни цепляйся за обломки старого, придется идти в цивилизацию. А иначе судьба может и потащить, как Камбоджу, Бирму, Индию, десятки мелких и известных ныне лишь специалистам государств Африки. Но сохранить лицо и встать вровень с западными державами сумели только Япония при Мэйдзи и,

пожалуй, Турция при Ататюрке. (Конечно, я не имею в виду нынешние времена, когда среди массы (не)развивающихся стран попадаются довольно часто и вполне развивающиеся).

В Японии происходили серьезные перемены в расстановке сил. Княжества Сацума и Тёсю едва не дошли до войны, однако теперь они заключили союз. Вместе с ними оказались и еще два владения – Хидзэн и Тоса. Кстати, эти провинции отнюдь не были бедными: Сацума занимала втрое место по производству риса в стране. И, вне всякого сомнения, первое место по контрабанде.

Поскольку последнее утверждение нуждается в пояснениях, нам придется ненадолго прервать повествование. И вернуться к островам, которые мы «позабыли» в периоде Дзёмон.

Окинава – тоже Япония. Но не вполне

Сейчас Окинава является составной частью Японии. Но так было не всегда. В последний раз она была присоединена в середине 70-х гг. прошлого века. Но это присоединение первым не было. Так что провинцией Японии острова Рюкю (или, по главному из них – Окинава) стали сравнительно недавно.

А вот государственность там развивается очень даже давно.

Начнем с жителей. Конечно, они – потомки людей культуры Дзёмон. Но на главные острова архипелага мигрировали люди с Корейского полуострова, а Окинава лежала чуть в стороне. Вероятно, население было родственно японским кумасо, либо аустронезийским народам. Не было там и культуры Яёй, а соответствующие сосуды, которые все же найдены там, могут говорить лишь о путешествиях между островами. Но главное – в это время на Рюкю не развивалось рисоводство.

По всей видимости, каждый из островов был самостоятельным протогосударством во главе с вождем. Об этом же говорят и китайские хроники. Китайцы, кстати, и окрестили острова Лю-Цю – «изумрудной драгоценностью (по-японски – «Рюкю»). Японцы вскоре тоже «открыли» острова, даже попробовали присоединить их, но в то время это, вероятно, не завершилось удачей.

Скорее всего, путь к государственности был пройден жителями Рюкю так, как это было на Японском архипелаге: возникали союзы кланов, происходила их борьба, образовывались маленькие княжества, объединенные впоследствии государем (в западной литературе его обычно именуют королем, это неверно, но придется следовать такой традиции).

Первым королем Окинавы стал Сюнтэн (1187—1237). Считается, что его матерью стала дочь одного из князей-адзи, а отец Сюнтэна — великий японский полководец Тамэтомо Минамото. Но эта версия появилась уже после признания Окинавой сюзеренов из Сацумы. По заказу даймё летопись и была написана. Вполне понятно, что в таком случае монархи Рюкю — лишь «младшие братики» императоров Японии. Клан Минамото происходит, как известно, от императора Сэйва.

В любом случае, после Сюнтэна говорить о развитии без постороннего влияния не приходится: даже азбука, которую ввел новый король, Сюмба-Дзюнки, основана на японском фонетическом письме. С тех пор на Окинаве стоит и королевский замок-дворец Сюри.

В XIV в. островная страна оказалась данником Китая. Традиция вассалитета продолжалась 500 лет, до присоединения к Японии. Она возникла во времена раздробленности, когда на острове Окинава появилось три самостоятельных государства — Тюдзан (Центральное нагорье), Нанизан (Южное нагорье) и Хокудзан (Северное нагорье). Сатто, король Тюдзан, и сделался вассалом Китая. Раз в два года королевство направляло корабль с данью, а китайские императоры давали разрешение занимать трон местным правителям. Появились на Рюкю и китайские колонии, так что с освоением «китайской науки» дела обстояли весьма неплохо.

Следующий глава Тюдзан, Хаси, захвативший престол, объединил к 1429 г. всю Окинаву. Так возникла династия Сё, правившая до 1872 г. (Правда, это была «вторая Сё». Первая оказалась недолговечной, и власть вскоре захватил дворцовый казначей, совершивший переворот, но пожелавший оставить название династии).

Безусловно, Хидэёси Тоётоми было у кого поучиться обращению с простолюдинами, в частности, «охоте за мечами». Дело в

том, что Сё Хаси выполнил эту задачу куда раньше — мечи были отобраны у всех, кроме дружины короля и высших сановников. Люди оказались беззащитны не только перед королевскими чиновниками и солдатами, но и перед разбойниками. Дело в том, что преступникам меньше всего нужен закон о свободе ношения оружия, они и так вооружены.

И тогда (учитывая, что китайские боевые искусства были явно знакомы жителям Рюкю и прежде) началось развитие борьбы кэмпо. То, что получилось в итоге, мы знаем под названием каратэ. Уже в XX в. это понятие стало записываться иероглифами, обозначающими «пустую руку».

Любопытна и религия, существовавшая на островах. Это языческий культ, отличный от синто. Возможно, похожая религия, в которой весьма сильны отголоски матриархата (существование жриц («норо»), шаманок («юта»), обычай инициации девушек, вступающих во взрослую жизнь — татуировка на тыльной стороне ладони) существовала на юго-западе Японских островов до миграции переселенцев с Корейского полуострова.

XV—XVI вв. — время стабилизации и процветания для Рюкю. С внутренними распрями было покончено, а расцвет экономики позволил процветать и культуре морского королевства. Почти все, что необходимо, давала внешняя торговля. Страна жила спокойно под защитой китайских сюзеренов. Окинава оказалась на перекрестке торговых путей всего Дальнего Востока. Корабли с Окинавы путешествовали даже до Бирмы и Явы. Посредничество приносило гигантские барыши, а чужие традиции вплавлялись в культуру островов. Наследие народа-мореплавателя признано и японским правительством.

В 1609 г. наступила эпоха двойного данничества. Власть на архипелаге захватил клан Симадзу из Сацумы. Внешняя торговля оказалась в руках японцев, но король Рюкю стал вассалом не японского императора, а лишь даймё Сацумы. Главным для завоевателей была стабильность — и стабильные поступления в бюджет. Кроме того, острова Рюкю были неким «черным ходом» из закрытой Японии. И этим ходом сацумские князья и подконтрольные им контрабандисты успешно пользовались.

Что же до культуры островов, то двойной вассалитет давал и двойные возможности для заимствований и развития. В конце XVIII в. ситуация значительно ухудшилась из-за природных бедствий. Эпидемии и голод стали обычным явлением, как и повышение податей сацумскими даймё.

В середине XIX в. уже знакомый нам коммодор Перри подписал с королевством договор, как и с Японией. Впоследствии договоры заключили и западные страны. Вскоре стало ясно, что острова Рюкю идут к потере своей «полунезависимости».

Если взглянуть на ситуацию в исторической перспективе, то окажется, что союз Сацума – Тёсю – Тоса не является чем-то необычным. Даймё этих территорий противостояли Иэясу Токугаве в битве при Сэкигахаре. Против них были приняты мягкие репрессивные меры: урезали владения. Хотя прошли столетия, обиды не забылись, к тому же, сёгунат делал все, чтобы они вспоминались почаще – например, установил раз и навсегда властителей на своих и «внешних», свел на нет надежды последних когда-либо реально участвовать в управлении страной.

Смена действующих лиц

Но самые важные перемены не ожидались никем. Однако же они произошли. Притом – с двух конфликтующих сторон и почти одновременно.

Сёгун Иэмоти, решив оправдать свой титул хотя бы по принципу «бей своих, чтоб чужие боялись», последовал приказу императора «строго наказать» княжество Тёсю. Он сам повел войска, в которых не оказалось ни самураев из Сацумы, ни подданных многих других даймё. Воевать против тех, кто хотя бы попытался прогнать «варваров», желали очень немногие.

Армия сёгуна терпела поражения, а сам он серьезно заболел.

В то же время в Тёсю сделали все ради сплочения нации. Именно так: местный даймё отменил традицию вооружения одних только самураев. Теперь оружие могли носить и крестьяне, и ремесленники и даже каста «эта», выполнявшая грязную работу и считавшаяся «низшей». Нации и народные ар-

мии появляются не сразу, но народное ополчение уже успело возникнуть.

Соперничество между Англией и Францией за сферы влияния проявилось и в Японии: англичане продавали вооружение Тёсю, французы – бакуфу. Но моральный дух имел в этой войне большее значение, чем оружие.

Кончилось тем, что Иэмоти Токугава, не оставив наследника, скончался. Ему было всего лишь 20 лет.

Теперь ничто не помешало его сопернику, Ёсинобу, занять пост сёгуна. Правда, он еще не знал, что после него в Японии сёгунов не станет (как и бакуфу).

Комэй по-прежнему требовал атаковать Тёсю – княжество, выступавшее против сёгуната и за его прямое правление. Возможно, он и помыслить-то не мог о единоличной монархии. Никто его к такому не приучил. А возможно, государь уже просто не мог контролировать ситуацию.

Не бывать бы прекращению бездарной и никому не нужной войны, но тут несчастье помогло – был объявлен траур по сёгуну Иэмоти, предлог вполне уважительный, чтобы остановить военные действия.

В декабре того же года император Комэй неожиданно почувствовал себя плохо. Вначале недомогание было списано на простуду, затем выяснилось, что у императора оспа, и он даже запретил навещать себя принцу, который уже поменял имя на взрослое и звался не Сатиномия, а Муцухито.

Через две недели император Комэй скончался. Были слухи, что его отравили мышьяком (симптомы и в самом деле могут оказаться схожими), говорилось даже, что ядом был пропитан конец кисти для письма, поскольку государь имел обыкновение грызть его в процессе письма. Называлось имя убийцы. Называлась и причина – непримиримость государя к Западу...

Никто ничего наверняка сказать не сможет. Кроме одного – 9 января 1867 г. пятнадцатилетний принц Муцухито вошел в тронный зал дворца в Киото в качестве нового императора Японии. Его девиз «Мэйдзи» («Светлое правление») был принят позже. Под этим девизом, ставшим именем, он и вошел в историю.

Глава 40

Пятнадцатилетний император

Порядок навести в родной своей стране
Труднее, чем мечом грозить иным державам,
И вы свой трудный долг исполните вполне,
Коль вас не нарекут ни Грозным, ни Кровавым.

Ю.Нестеренко

То, что пятнадцатилетний подросток стал государем – случай далеко не редкий, а в Японии подобное случалось сплошь и рядом. Но чтобы такой юноша, почти мальчик, обладал еще и непреклонной политической волей – вот такое бывает весьма нечасто. Но даже и при этом условии он может оказаться никчемным правителем – только потому, что живет не в той эпохе.

Юный правитель, взошедший на трон в нужный момент и обладающий политической волей – это случай уникальный. И жизнеописание Мэйдзи (мы все же станем называть его так по сложившейся традиции, хотя его внука, ныне уже покойного, в России по-прежнему называют прижизненным именем), вне всякого сомнения, должно занять самое почетное место среди биографий великих людей Японии.

Начало жизни государя-реформатора

И рождение, и жизнь, и смерть японских властителей были обставлены массой ритуалов. Когда Ёсико, наложница импе-

ратора Комэя, разрешилась от бремени, на дворцовой кухни потушили огонь. Рождение считалось ритуально оскверняющим (как и смерть, о которой император должен был говорить лишь иносказательно). Борьба со всевозможными порчами и сглазами при дворе Киото способна вызвать удивление, если не подозрения во вменяемости. Но нужно понимать ситуацию: суеверия возникают там, где человек неспособен справиться с судьбой. А это и в самом деле так.

Отец ребенка пребывал «по долгу службы» в неподвижности, поэтому выход в город и паломничество к святилищу (сидя в паланкине) был событием, выходящим за все рамки обыденного. Опять же «по долгу службы» он употреблял большое количество алкоголя. И скончался Комэй в 36 лет – даже по тем временам он был еще вполне молод.

Дворцовые дамы отличались изнеженностью, а значит, тоже были не вполне здоровы. К тому же, не надо забывать о степенях родства в придворных кланах. Этот круг был очень узок. Поэтому было большим везением, когда принц доживал до взрослого возраста. У меня нет статистики детской смертности в тогдашних крестьянских семьях Японии. Но сомнительно, что в более или менее сытые годы она могла быть больше, чем в семьях высшей аристократии страны. А младенческая смертность – показатель весьма грозный...

Вот поэтому ничего не оставалось делать, как обращаться к высшим силам и обеспечивать магическую защиту. Новорожденного принца охраняли собаки из папье-маше, на его лбу выводили иероглиф «собака» – все с теми же охранными целями. Поэтому при каждом перемещении младенца в комнате разбрасывались рисовые зерна из ведра с двумя белыми шнурами, на которых завязывали узел, когда ребенок чихал. Узлы заменяли нашу кукушку – считалось, что чем больше дитя чихнет в первую неделю, тем дольше будет жить.

Ну, а про астрологические предсказания и говорить не приходится – без них нельзя было ступить и шагу.

Императору показали принца только по прошествии месяца. Визит от дома матери (где родился младенец) ко дворцу был нелегок: паланкин несли особым маршрутом.

Если в Японии было принято, чтобы покойные императоры просили разрешения об отставке, если там награждали придворными рангами министров, умерших десятки и сотни лет назад, а то и жаловали ими богов, то нет ничего удивительного и в другом. А.Н.Мещеряков упоминает о записи в летописи «Мэйдзи тэннноки»: «Комэй одарил сына амулетами и игрушками. Принц не остался в долгу – от его имени император получил 100 золотых монет, превосходную бумагу, водоросли, сушеного леща, бутылку сакэ и свежую рыбу, которая была возложена на алтарь во дворцовом синтоистском святилище».

Такой вот младенец, отлично знающий ритуал...

Воспитывался принц в материнском доме, окруженный сотнями ритуалов, традиций и предписаний. Обычным подданным показываться на глаза было нельзя – страшно опасались самого банального сглаза. Если он и передвигался по улице, то в закрытом паланкине. Когда же трехлетнее дитя наотрез отказалось от паланкина, пришлось взять его на руки, а весь путь от дома до дворца перегородить занавесками.

Считалось, что материнские права принадлежат главной жене императора – Тёси, – но роль биологической матери отнюдь не отрицалось. На самом деле, все это можно объяснить очень просто: никто в этом обществе не мог принадлежать самому себе. Даже мать наследного принца. Даже сам принц. Даже император.

На восьмой год жизни мальчик приступил к обучению – естественно, с ним занимались во дворце. не вполне ясно, каковы были его успехи, но, судя по всему, он не смог бы стяжать славы императоров периода Хэйан, заслуженно считавшихся первыми каллиграфами в стране. Известно о том, что излишней усидчивостью принц тоже не страдал. Впоследствии Мэйдзи жалел об этом, уже на склоне дней он сложил вполне самокритичное стихотворение (его приводит А.Н.Мещеряков):

Жаль мне теперь,
Что ленился тогда
Учиться писать.
Думал только

О лошадке из бамбука.

Известно и другое: сей юноша рос довольно вспыльчивым и драчливым. Очевидцы повествуют и о таких малоприятных эпизодах: «Сатиномия играл возле пруда. Он окликнул своего престарелого воспитателя, призывая посмотреть на резвящегося карпа. Тот все глаза проглядел, но никакого карпа увидеть не мог. В это время Сатиномия подобрался к нему сзади и столкнул в воду. Пока воспитатель барахтался в пруду, принц кричал: «Смотрите скорее, старик превратился в карпа!»

Эта история, приведенная А.Н.Мещеряковым, откровенно некрасивая уж никак не конфуцианская. Интересно, а с чего бы авторам придворных мемуаров, где тщательно редактировалось каждое слово, писать подобные вещи? Возможно, они хотели показать некую решительность и мужественность, неосознанное желание порвать с традицией? Да было ли все это так?

Вероятно, было. Оставим эти случаи на совести придворных хронистов и заметим только, что перед нами – вполне живой ребенок (иногда – даже слишком живой). В конце концов, и дерзость пошла на благо. А хорошие манеры были привиты впоследствии.

В одиннадцать лет принц вместе с отцом наблюдал за маневрами войск. (В будущем парады станут частью его жизни). К этому времени мальчик уже сменил имя на взрослое. Муцухито – это «мирный». Его посвятили в подростки, обрезав кончики волос и дав право носить пояс вместо шнура. Теперь принц считался официальным наследником престола – третьим человеком в стране (то есть, во дворце в Киото) после Комэя и императрицы.

Тяжелым испытанием для Муцухито стал погром, учиненный самураями из Тёсю в Киото. Мальчик даже лишился сознания от переживаний того дня. (Конечно, Петру Великому в детстве пришлось пережить куда худшие потрясения такого рода).

И, что бы там ни было в детстве, Муцухито предстает перед нами заботливым сыном, готовым навещать смертельно больного отца. И если бы не приказ Комэя, болезнь могла не миновать и принца (конечно, если это была оспа, а не отравление).

Пятнадцатилетний юноша, занявший престол, еще даже не прошел церемонию посвящения во взрослые. И первое, что он должен был сделать – это принять предложение сёгуна Ёсинобу об окончательном прекращении войны с Тёсю. На сей раз – из-за траура по императору Комэю. Сам же Муцухито не мог участвовать в похоронах отца – все из-за той же ритуальной скверны.

Возраст государя не смущал ни сёгуна, ни придворных. Ведь императорам ничего не нужно было предпринимать. Или так казалось...

Дела семейные и международные

Пока юный император продолжал образование в классическом конфуцианском духе, в стране шли дальнейшие события, связанные с кризисом власти. Перемена действующих лиц сказалась на политике, но недостаточно для того, чтобы навсегда оставить мысли о гражданской войне.

Французские военные советники обучали солдат бакуфу. Голландцы наконец-то предоставили военный корабль «Кайёмару», заказанный сёгунатом ранее. Россия пыталась разрешить зависший в воздухе «Сахалинский вопрос», но он так и не был решен – остров открыли для подданных двух государей. Англичане оказывали поддержку императору и двору. Сёгуну требовалась мощная армия, для этого нужна была не менее мощная казна, которой не было. Ёсинобу обратился к французскому посланнику с просьбой о кредите, создали даже экспортно-импортную компанию. Но нестабильность отпугивала возможных инвесторов, и средства изыскать не удавалось.

А императору предстояло еще одно важное событие – свадьба. Без супруги и без наследников он стал бы весьма проблемным монархом. Для ответственной миссии была избрана Харуко, сестра старшего государственного советника Санэёси Итидзё. Ее происхождение было достаточно высоким, девушка получила отличное (для высшей аристократки) образование: могла слагать стихи, читать китайские книги, петь, играть на музыкальных инструментах, проводить чайную церемонию. Правда, Харуко была старше императора на три года, но при-

дворные тут же припомнили исторические прецеденты, а заодно – скостили невесте год.

Смотрины прошли на высшем уровне. Теперь и на Харуко распространялась защита от сглаза. Как ни странно, среди подарков императора невесте упомянута трубка для курения. Девушка, судя по всему, не курила, но табак считался еще и благовонием, отпугивающим нечистую силу. Теперь осталось подождать, пока закончится траур по Комэю.

Тем временем княжество Сацума проявило инициативу на международной арене. В Париже проводилась Всемирная выставка, сёгунат отрядил туда юного брата Ёсинобу, Акитакэ Токугаву. Но оказалось, что княжества Сацума и Сага участвуют в выставке самостоятельно. Мало того, в Сацуме ввели (впервые в истории Японии) орден, которым был награжден Наполеон III. Делалось это на том основании, что даймё якобы является королем Рюкю (что не вполне соответствовало действительности).

Своей цели мятежный юго-запад добился – сёгунат был дискредитирован в глазах международной общественности. Но для истории культуры (уже далеко не только японской) важно совсем другое: тот бешеный успех, которым пользовались и на выставке, и после нее гравюры «укиё-э». Они пришлись как нельзя более кстати – французские художники искали новые направления, классическая живопись («академизм») не устраивали их. Теперь появился некий эталон, точка отсчета, от которой берет свое начало импрессионизм.

Если политика сёгуната производила удручающее впечатление, то японское искусство и сами японцы получили высшую оценку европейского общества. Правда, для этого пришлось сделать еще кое-что – освободить арестованных не столь давно в тех же юго-западных княжествах «тайных» христиан, которые захотели стать открытыми, для чего пришли в храм в Нагасаки. О судьбе узников совести позаботился Наполеон III самолично.

Шаги к войне

Вся страна жила в это время в ожидании перемен, пусть даже не вполне понятных. Еще до смерти Комэя произошли

массовые крестьянские выступления, в том числе – в районах, где шла война сёгуната с княжествами. Страдали от этого, как всегда в подобных случаях, ростовщики. Теперь же среди простолюдинов распространялись самые невероятные слухи – то ли о том, что вернется древний «золотой век», то ли о помощи высших сил им и стране. Как именно должны произойти благоприятные перемены, никто не знал. Говорили об амулетах из храма Аматэрасу, падающих с небес. Разумеется, от толп ожидающих вновь доставалось ростовщикам – теперь уже городским.

Юго-западные даймё знали о переменах гораздо больше. Княжества заключили договоренность: Ёсинобу Токугава должен оставить пост сёгуна, став обычным феодалом. Если откажется уходить – следует применить силу. Ёсинобу собрал совещание даймё 14 октября 1867 г. Князья из владений Сацума, Фукуока, Тоса и Хиросима высказались за его отречение, прочие же воздержались. Однозначно в пользу сёгуната не выступил никто. В этот же день император издал секретные указы о свержении Ёсинобу силами княжеств Сацума и Тёсю, поскольку бакуфу не подчиняется приказам. Не вполне понятно, чем были эти указы. Возможно, лишь подстраховкой при незнании результатов совещания. Вполне вероятно, что сам император имел к ним малое отношение.

Так или иначе, но Ёсинобу Токугава подал прошение об отречении. Впрочем, он вряд ли предполагал, что власть и в самом деле придется упустить. Пока что это было лишь жестом.

Император отречение принял. Нового сёгуна не назначили. Был выпущен указ с требованием ко всем даймё явиться в Киото (но лишь 16 из них выполнили его, а прочие же решили подождать, к чему все это придет).

Правительство бакуфу еще действовало, подключившись к волне терроризма. Жертвами стали деятели, выступавшие за союз Сацумы и Тёсю.

Страна сползала к анархии, император и его двор не имели ни собственности, ни опыта, ни четко установленных полномочий – ничего, что требуется для поддержания верховной власти. Зато были преданные даймё и их солдаты.

В конце ноября император устроил парад войск из союзных ему княжеств. В начале декабря воины юго-запада приступили к усиленной охране императорского дворца. Было создано новое правительство во главе с принцем Арисугава. 9 декабря император ознакомился с указом, где говорилось о том, что ему дается полнота власти в Японии, как это завещано Дзиммутэнно.

Теперь речь шла и о том, чтобы Ёсинобу перестал быть самым крупным владетелем земель страны. Это решение вызвало споры, но Такамори Сайго (его имя будет все чаще звучать в исторических хрониках) заметил, что вопрос можно решить и иначе: парой ударов кинжалом... И решение о конфискации собственности было принято.

При этом двор имел наглость обратиться к Ёсинобу за средствами на службы в память об императоре Комэе (исполнялся год со дня смерти). Требовали два миллиона рё, Есинобу выделил всего тысячу. А его вассалы потребовали сокрушить мятежные княжества. Уже 25 декабря в Эдо произошел штурм резиденции Сацумы.

Теперь гражданской войны было не избежать.

Глава 41

Война, революция, реставрация

Много слухов и слов. То одно, то другое...
И в бессмысленной панике гаснет надежда
И на то, что удастся остаться собою,
И на то, что, возможно, все будет, как прежде...
Н.Мазова, «19 августа 1991 г.»

К началу 1868 г. Такамори Сайго стал фактическим руководителем военных операций сил мятежных княжеств – новых имперских войск. Войска Ёсинобу направлялись к Киото. 3 января превосходящие силы сёгуната начали сражение, которое, однако, проиграли. На всякий случай Сайго распорядился при возникновении опасности переодеть подростка-императора в платье придворной дамы и эвакуировать его.

Английские винтовки, имевшиеся у сил юго-запада, принесли победу. Обучение самураев тоже не прошло даром. Но одним из главных факторов побед стали императорские штандарты: теперь юго-западные войска сражались не сами за себя, а за государя. Это во многом меняло дело.

Четырехдневное сражение завершилось переходом части войск сёгуната на сторону юго-запада и бегством Ёсинобу на гордости флота бакуфу – «Кайё-мару» – в Эдо.

Так начались масштабные боевые действия.

Главный герой дня

Как ни странно, Такамори Сайго, хотя, естественно, был самураем, не принадлежал к профессиональным военным. Он

служил гражданским чиновником на острове Кюсю, с чего и началась великая карьера. А происходил он из клана сацумских самураев, чье положение едва ли сильно отличалось от того, в каком находились крестьяне. Бедность сопровождала его детство, бедность перекочевала и в юность. Но вместе с тем детям в таких кланах прививали основные самурайские добродетели – храбрость, решительность, чувство долга и ответственности.

Любопытен и внешний вид героя. Он весьма нехарактерен для наших представлений о японцах: огромный рост, грузность, граничащая с тучностью, невероятно широкие плечи. Впрочем, для сумоистов это вполне обычно, а многие поколения Сайго были борцами сумо. Впечатление некоторой медлительности оказалось обманчивым – самым важным качеством будущего полководца императора оказалась невероятная энергия. С детства он отличался и дерзостью, став, в конце концов, вожаком мальчишек из самурайских семейств (в будущем некоторые из них окажутся вовлеченными в революционные события).

О таких, как он, говорят – «харизматическая личность». Не вполне ясно, как расшифровать это понятие на языке логики и материализма, но оно явно присутствует. Без этого магнетизма самураю из захудалого рода было бы невозможно выдвинуться на ведущую роль в предстоящих событиях. Присутствовала и мстительность. А.Моррис уделяет большое внимание гибели его друга, несправедливо приговоренного к ритуальному самоубийству. Возможно, именно тогда Сайго поклялся отомстить за несправедливость. И отомстил, выбрав жертвой не только продажных владетелей, но и саму систему.

В 1849 г. в клане владетелей Симадзу, которому он служил, произошел раскол из-за наследования. Молодой кандидат в главы дома, Нариакира Симадзу, стремился реформировать свои владения. Он был весьма критично настроен к правлению бакуфу. Сайго помог Нариакире получить высшее положение в княжестве, став доверенным лицом даймё в Эдо. Но вскоре Нариакира умер, и Сайго едва не совершил самоубийство из-за смерти друга и господина. Считается, что его разубедил и спас монах Гэссё – горячий сторонник правления императора, которого преследовал сёгунат.

Новый правитель Сацумы Хисамицу Симадзу подверг Сайго ссылке. Именно там он воочию увидел труд крестьян, напоминающий то, что творилось в рабских штатах Северной Америки. Надзиратели и чиновники пытали людей только по подозрению в сокрытии налогов.

Сайго с его нетерпимостью к несправедливости решительно вмешался, пообещав отправить владетелю отчет о делах, задевающих честь клана Симадзу – и сумел добиться некоторого улучшения положения.

Известно, что в годы ссылки Сайго сочинял стихи и совершенствовался в искусстве каллиграфии. А после возвращения он немедленно включился в политические события, организовав союз юго-западных княжеств, а заодно – убедив англичан в том, что бакуфу не выполнит своих обязательств, и будет лучше всего поддержать императорскую коалицию.

Но звездный час Такамори Сайго – это боевые действия 1868 г.

Европейцы видят сакральное

Ёсинобу Токугава после разгрома и бегства сопротивлялся недолго. Он решил, что гораздо разумнее распустить армию и укрыться в монастыре в районе Уэно в городе Эдо. Это позволило бы если и не спасти лицо, то, во всяком случае, сохранить жизнь. Он решил даже согласиться с конфискацией земель.

Принцесса Кадзуномия, вдова предыдущего сёгуна, немедленно стала просить императора простить Ёсинобу, угрожая самоубийством. Но до прощения нужно было покончить с сёгунатом.

Посланцы двора известили гробницы предыдущих императоров о том, что Муцухито проводит церемонию посвящения во взрослые. Сама церемония состоялась 15 января, и в тот же день посланникам иностранных держав было направлено уведомление: Ёсинобу даровано разрешение вернуть управление государством императору. Так одновременно решались две задачи – устранить сёгунат и сообщить европейцам, что преемственность власти соблюдена, и договоры не будут расторгнуты. Заодно пригрозили карами за недружественное отношение к иностранцам. Международная изоляция окончательно уходи-

ла в прошлое. Теперь официальная идеология развернулась на сто восемьдесят градусов: утверждалось, что император Комэй всегда выступал за дружбу с иностранными державами, но ничего не мог предпринять из-за действий бакуфу!

Но не все ли равно, что думал покойный Комэй? Жизнь-то продолжается. К тому же, мало кто слышал реальные слова государя, а те, кто слышал, могут и промолчать.

На самом деле, ситуация с иностранцами выглядела не столь радужной. 11 января иностранцы были обстреляны в Кобэ (из американских, кстати сказать, винтовок). Был только один раненый, но Дзэнсабуро Таки, отдавшего приказ о нападении, приговорили к самоубийству в присутствии иностранцев. Что и было выполнено.

А.Н.Мещеряков приводит фрагмент письма сотрудника английской миссии Митфорда. «Нас пригласили последовать вслед за японскими представителями в хондо, или главную залу храма, где и должна была состояться церемония... Перед высоким алтарем, где пол, покрытый превосходными белыми циновками, был приподнят на три или четыре инча, лежал коврик из ярко-красного войлока. Длинные свечи, поставленные через равные интервалы, отбрасывали неяркий загадочный свет...

После нескольких секунд напряженного ожидания Таки Дзэнсабуро, крепкий мужчина благородной внешности, 32 лет от роду, вошел в залу; на нем была церемониальная одежда, надеваемая по поводу важных событий – своеобразной формы плечики из конопляной ткани. Его сопровождал кайсяку и три офицера... Следует заметить, что слово «кайсяку» не соответствует нашему «палачу». ...Отношения между ними вовсе не те, что между жертвой и палачом – скорее это отношения между главным и второстепенным действующими лицами.

Таки Дзэнсабуро и находившийся слева от него кайсяку медленно подошли к японским свидетелям и поклонились им; затем приблизились к европейцам и поприветствовали их таким же образом, возможно, даже с большим почтением... Медленно и с замечательным достоинством осужденный взошел на платформу, дважды распростерся перед высоким алтарем, уселся

на войлочный коврик. Кайсяку присел слева от него. Один из офицеров-помощников вышел вперед подставкой... на ней лежал завернутый в бумагу викидзаси – короткий японский меч, или кинжал... Помощник распростерся и передал кинжал осужденному, который почтительно принял его, поднял на уровень головы обеими руками и затем положил перед собой.

После следующего глубокого поклона Таки Дзэнсабуро... произнес следующее: «Я и только я один, 11 дня прошлого месяца отдал нарушающий закон приказ открыть огонь по иностранцам в Кобэ и повторил его еще раз, когда они попытались спастись бегством. За это преступление я вспарываю себе живот и прошу присутствующих оказать мне честь, наблюдая за этим».

Поклонившись еще раз, говоривший сбросил верхнюю часть одежды и остался голым по пояс. В соответствии с обычаем он тщательно подоткнул рукава под колени, чтобы не позволить своему телу упасть назад...

Неспешно, недрогнувшей рукой он взял лежавший перед ним кинжал – он смотрел на него мечтательно, почти любовно; секунду, казалось, он собирался с мыслями в последний раз, потом глубоко вонзил кинжал в левую нижнюю часть живота, медленно повел его в правую сторону и, поворачивая кинжал в ране, слегка подал его наверх. Во время этой ужасающе болезненной операции ни один мускул не дрогнул на его лице. Он вынул кинжал, наклонился вперед и вытянул шею, и тогда чувство боли впервые отразилось на его лице, но он не издал ни звука. В этот момент кайсяку, который все это время находился рядом и зорко наблюдал за каждым движением, вспрыгнул на ноги, задержал на секунду свой меч в воздухе – вспышка, тяжелый отвратительный глухой звук, грохот падения – одним ударом голова была отделена от туловища.

Установилась мертвая тишина, – прерываемая только мерзким звуком крови, извергающейся из обездвиженной кучи перед нами – того, что секунду назад было мужественным рыцарем. Это было чудовищно».

Впрочем, такая процедура террористов не успокоила. 15 февраля в Сакаи самураи из Тоса атаковали французских моряков.

На сей раз погибло 11 человек. Самураев приговорили к смерти через самоубийство, никто из них не раскаялся, но французский посланник остановил казнь, когда погибли 11 убийц. Такой принцип означал справедливость – по крайней мере, для французов тех времен, лишенных нынешних «политкорректных» предрассудков.

После этого произошло еще одно «впервые» – император лично встретился с иностранными посланниками, чего не наблюдалось уже тысячу лет. Придворные, воспитанные на Понтиях сглаза, пытались протестовать, но аудиенцию не отменили. Быть может, некую роль сыграла мальчишеская любознательность самого императора?

Но все же император располагался пока за занавесками – таков был компромиссный вариант. К тому же, встреча не обошлась без эксцессов: британскую делегацию атаковали двое террористов, хотя ее охранял огромный отряд. Раненых оказалось около десятка. Один из схваченных террористов был впоследствии казнен, притом – уже не почетно. Его, к тому же, еще и сфотографировали перед казнью, что могло быть воспринято, как дополнительный позор.

Аудиенцию с англичанами отложили, Муцухито выразил сожаления. Через три дня встреча все же состоялась, и именно в этот день император появился уже без занавесок. Все тот же Митфорд отметил, что держался он очень благородно, как и должно любому монарху. Но не обошлось без косметики, принятой при дворе: сбритые брови, нарумяненные щеки, намаженные губы создавали несколько женственный облик. Муцухито произносил слова едва ли слышно: виной тому была не застенчивость, как полагали европейцы, а божественная сакральность. Ками не могут говорить в полный голос, но передают свои слова через посредничество жреца.

«Высочайшая клятва»

Война все еще продолжалась: императорские войска двигались к Эдо. Важным было даже не столько взятие сёгунской столицы, сколько разъяснение новой ситуации даймё, которые находились в вассальных отношениях с домом Токугава. Заод-

но (впервые!) положение разъясняли и простолюдинам. Поход превратился в то, что сейчас в России на «английско-нижегородском новоязе» называется «пиар-акцией». Особое подразделении армии «Отряд красной вести», куда входили ронины, крестьяне и простые горожане, проводило пропаганду. Они обещали снижение налогов в землях клана Токугава. Но когда пропагандисты перестарались, посулив едва ли не отмену налогообложения, власти репрессировали отряд, обезглавив его и в фигуральном, и в буквальном смысле. Революция не должна была перехлестывать через край.

Сторонники Ёсинобу готовились к сдаче Эдо, а император предпринял невероятно длинное путешествие до уже освобожденного города Осака. Естественно, он ехал в закрытом паланкине. Во время путешествия произошло поистине невероятное событие – правитель морской державы впервые увидел море!

В начале марта императорские войска вошли в Эдо без сопротивления. Ёсинобу не казнили, оказалось гораздо уместнее достичь компромисса. Новый глава клана Токугава, Ёсиёри, приветствовал прибывших. Он уже не был сёгуном. Бакуфу не стало.

Но оставались еще те даймё, которые не признали новых порядков. Они бежали на север. Теперь туда же переместилась и война.

Как ни странно, обе стороны заявляли, что борются за императора. Повстанцы выступали не против Муцухито, а против «предателей» с юго-запада. Но более никто не требовал восстановления сёгуната. Реставрация императорской власти стала свершившимся фактом.

14 марта в Киото, еще до сдачи Эдо, была проведена церемония с участием большинства видных сановников страны. Для начала в зале провели синтоистскую церемонию освящения. Место Муцухито обустроили на севере, ширмы с изображением четырех времен года символизировали роль императора, как божества урожая и благосостояния. Но если уж государь не был скрыт от европейцев, к чему скрываться от собственных подданных? И обычного в подобных случаях занавеса не поставили.

Церемония стала не только политическим, но и религиозным ритуалом. Заместитель главного министра Санэтоми Сандзё прочел молитву, совершил приношения красной и белой материей на алтарь и лишь после этого огласил от имени Муцухито текст «Высочайшей клятвы в пяти статьях».

Император обещал учитывать мнение общества при принятии решений, используя коллегиальность. И знать, и простой народ должны были сплотиться ради управления Японией. Но для военных и гражданских чиновников, а также и для «простолюдинов» предоставлялось и право на проявление инициативы. Муцухито заявил о том, что дурные обычаи будут ликвидироваться, а управление страной станет проводиться по закону. Кроме того, в клятве содержался и пункт о «приобретении знаний по всему миру» ради укрепления государства.

Император клялся перед богами, что будет соблюдать эти принципы правления.

Клятва была подписана 832 свидетелями, представлявшими высшую знать страны. Но в дело управления страной стали вовлекаться и простые люди, прежде и не помышлявшие о подобном праве.

Остается сообщить о судьбе Ёсинобу Токугавы, последнего сёгуна. Ему и в самом деле оставили жизнь. Мало того, даже выделили богатое содержание. Он не захотел становиться поверженным героем – и хорошо провел оставшееся до естественной кончины время, удалившись «в глухую провинцию у моря», совершенствуясь в «европейской науке» (фотографии), охотясь и выращивая новые сорта чая.

Но последняя битва с войсками сёгуната в столице состоялась 15 мая 1868 г. уже без всякого его участия. На холме Уэно мятежные вассалы бывшего сёгуна оказались полностью разгромленными после артподготовки. Исход гражданской войны был предрешен.

Глава 42

От революционной войны – к революционной реставрации

Мы взлетим в ночное небо – вы любовь зовете «крылья».
Мы очистимся от сора – все ненужное сгорит.
Видишь – огненные двери Храмы Света нам открыли!
Путеводные узоры начертала кисть зари...

Э.Р.Транк

Действовать предстояло по всем направлениям: менять административную систему, развивать связи с зарубежными странами, вводить новые технологии. И нужно было выбрать правильную идеологию, чтобы страна от головокружения времени перемен не слетела в хаос. В этом-то и состоит основная заслуга императора – он сумел сделать правильный выбор. В конце концов, все остальное делали те, кто верно служил ему, в том их немалая заслуга. Но без идейного стержня ничего бы возникнуть не смогло.

Возможно, юный государь воспользовался чьи-то советом, может быть, поступил так, как подсказывало сердце. Но он обратился к истории. Притом не к истории времен сёгунатов, а к более ранней, начиная с Дзимму-тэнно.

Дело в том, что любая революция, предлагающая сломать старый порядок и построить нечто совершенно новое, рано или поздно будет обречена, какими бы справедливыми ни были ее цели. Но если мы рушим нечто наносное, возвращаясь к истокам и вспоминая родные традиции, то дело принимает совершенно иной оборот. При этом не столь уж важно, насколько соответс-

твует исторической правде год начала правления Дзимму или чудовищно длинные сроки царствования первых императоров. В конце концов, традицию можно и выдумать – главное, чтобы она работала во благо.

А уж потом историки, не связанные с идеологией, расставят все по местам...

Полное завершение гражданской войны

После сдачи бывшего сёгуна на милость победителям и взятия Эдо события на севере страны выглядели заурядным мятежом. Тем не менее, его пришлось подавлять довольно долго. В Хакодатэ бывший заместитель командующего флотом бакуфу, видя, что восстановить власть сёгуната уже нельзя, совершил нечто едва ли не более невероятное, чем революция Мэйдзи. Такэаки Эномото создал на слабо колонизированном острове Хоккайдо сепаратистскую республику, став ее первым (и последним) президентом. Больше никто в Японии такого не творил. Впрочем, это «независимое государство» прожило примерно четыре месяца, а вот президент оказался гораздо удачливее. Побежденных самураев наказали не слишком строго, и Эномото, отсидев три года в тюрьме, служил видным чиновником все на том же острове Хоккайдо.

Остальных мятежников отправляли в ссылку, брали контрибуцию с их владений, держали под домашним арестом. Одно из их княжеств – Айдзу – ликвидировали полностью. Но репрессии не выглядели чрезмерно жестокими.

Гражданская война унесла множество жизней, хотя, конечно, количество жертв вряд ли сопоставимо с гражданскими войнами в России или даже в США. Но и сказать, что дело обошлось малой кровью, нельзя.

Департамент истории и государственная символика

Есть великое искушение сравнить Департамент истории, созданный еще до полной и окончательной победы, с министерством правды в романе Дж.Оруэлла «1984». Но это сравнение верно, только если говорить о методах. Цели оказались принципиально различными: Мэйдзи и начальник департамента

Санэтоми Сандзё вытаскивали свою страну из феодализма к цивилизации, а герои Оруэлла погружали людей в пучину нового феодализма, стремясь сделать это навсегда.

Император в своем указе сожалел о том, что при сёгунах хроники не составлялись, и что необходимо начать работу по публикации древних документов. Проще говоря, восхвалить тех, кто способствовал процветанию правления императоров и сурово осудить изменников (иными словами, сёгунов). Правление Мэйдзи крайне нуждалось в обосновании собственной деятельности. Чиновники-историки этому и послужили.

Кого именно стали теперь возвеличивать, проницательный читатель уже догадался. Почти со всеми этими людьми мы уже знакомы по предыдущим главам. Это Каматари Накатоми, свергнувший власть клана Сога, это честный чиновник Киёмаро Вакэ, не позволивший занять трон самозванцу-монаху, это трагический герой Масасигэ. Сюда же попали Нобунага и Хидэёси, которые объединяли страну и все же не сделались сёгунами (а заодно – обеспечили нормальные условия жизни императорам). В почетный список вошел Тикафуса Китабатакэ, создавший в XIV в. «Записи о прямом наследовании императоров», заявляющие о непрерывности династии.

Конечно, без внимания не оставили и императоров начиная с Дзимму. Синтоистские святилища возводили в честь тех, кто выступал за самостоятельность правления: Сутоку, Го-Тоба, Цутимикадо, Дзюнтоку и, в особенности, непреклонного Го-Дайго.

Чуть позже прибавилось и особое почитание регентши Дзинго, но это уже связано с новыми континентальными войнами. Кстати, что касается войн и их героев, то и они оказались не забыты: восточнее Киото возвели храм в честь тех, кто отдал жизнь за императора в гражданской войне. Еще один подобный храм появился и в Токио. Это «Святилище сбора покойных душ» (Сёконся) было впоследствии переименовано в Ясукуни («Святилище умиротворения страны»). Несмотря на столь миролюбивое название, у храма Ясукуни оказалась весьма впечатляющая военная судьба. Там стали почитать и тех, кто погиб в континентальных войнах – с Китаем, Россией, с Германией в Первой Мировой, вновь с Китаем и т.д.

Храм действует и сегодня. Прибытие туда официального лица Японии во времена СССР, а иногда и сейчас трактовалось однозначно: это якобы говорит о реваншистских настроениях. На самом деле, все обстоит несколько иначе. Высшие государственные чиновники бывали в Ясукуни с частными визитами. Не надо забывать, что в Японии, вероятно, в большинстве современных семей есть хоть один павший. Их почитание – это отдание долга памяти, а не что-то еще. Между тем, реваншистские настроения тоже нельзя полностью сбрасывать со счетов – особенно в те времена, когда живых свидетелей ужасов войны остается все меньше и меньше...

И еще одна характерная деталь японской революции-реставрации: с прошлыми «врагами императоров» поступили примерно так, как с последним сёгуном. Их отправили в «историческую ссылку», но не вычеркнули из истории напрочь. Это «вычеркивание врагов», характерное для нашей страны (особенно – в годы самых серьезных репрессий), в Японии не проводилось вообще. В принципе, столь нездравый подход (им как раз отличалось оруэлловское министерство правды), характерен не для интеллектуалов, а для интеллигентов. Последние с пылом, достойным религиозных фанатиков, следят за «нравственной чистотой», боясь «замараться» (о «космополитические», «националистические», «атеистические», «левацкие» (нужное подставить) идеи и произведения). Так вот, таких фанатиков в революционно-императорской Японии не нашлось.

В 1870 г. торговый флаг – красный круг в белом поле – стал императорским и официальным государственным. Белый и красный цвета – важнейшие символы синто, красный круг одновременно символизирует солнце, солнечное божество – богиню Аматэрасу, а заодно и ее земного потомка – императора.

Слова государственного гимна, как уже говорилось, заимствованы из антологии «Кокинсю». Но парадокс здесь в том, что японский гимн был положен на музыку не японцем, а иностранцем. Инструктор японской армии по музыке (заимствования распространились уже и на это священное для истин-

ных конфуцианцев понятие) англичанин Джон Фентон стал творцом государственного гимна Японии. В 1870 г. гимн стал официальным. (Через десять лет гимн переложил на новую музыку японец Хиромори Хаяси, но без иностранца все равно не обошлось – немецкий музыкальный инструктор Ф.Эккерт сделал оранжировку для духового оркестра).

И, наконец, о гербе, который, в отличие от европейских, не имеет ни щита, ни его держателей (животных, богатырей и пр.) Этот герб не поход и на ту форму изображений, обрамленных венками, которая была в ходу в СССР и странах-сателлитах, да и ныне не окончательно забыта (например, в Таджикистане, Белоруссии, Лаосе или коммунистической части Кореи). Гербом императорской династии и Японии сделалась хризантема с 16-ю лепестками. Правда, европейцу, впервые видящему этот герб, трудно понять, что это именно хризантема и вообще цветок – настолько она стилизована.

Создание национальной религии

В Японии, как известно, ныне есть ученые, утверждающие довольно странные вещи – будто бы синтоизма до революции Мэйдзи не было вообще. Мол, все появилось в ходе революционно-реставрационного процесса, а до этого существовала своя форма буддизма, смешанная с местными верованиями и тем, что было заимствовано из Китая.

Похоже, это все же чересчур смело и не вполне верно. Здесь бесспорно лишь одно утверждение – «смешанная форма». И в самом деле, японский император – синтоистский бог – отрекаясь от трона, становился буддийским монахом. Можно было всю жизнь прожить по обычаям синто, но умирать пришлось бы все равно по-буддийски – похоронным обрядом занимались именно буддисты.

В Японии до Мэйдзи практически невозможно отделить одну религию от другой. Но так было не всегда. И теперь так не стало. Революции потребовалась религиозная реформа.

В самом начале 1870 г. был опубликован указ о пропаганде «великого Пути» (впоследствии – «великого Учения»). Речь шла о почитании богов и императора.

Палата небесных и земных божеств («Дзёнгикан») была восстановлена еще раньше. У этого идеологического органа – своеобразного синтоистского синода – имелся огромный «фронт работ». Как мы знаем, божеств в Японии великое множество, храмов и жрецов тоже вполне хватает, и за всем этим нужен присмотр. Но все дело в том, что буддийские и синтоистские святилища не разделялись. Религии международная и национальная сплетались в тугой узел, а сейчас остро требовалось сплотить нацию. Буддизм, пришедший когда-то с континента, для этой роли едва ли подходил. К тому же, сёгунат активно использовал эту религию.

Уже через две недели после принесения «клятвы пяти статей» вышел указ о разделении культов: теперь буддийские обряды не могли проводиться в храмах синто. Вот только, как и всегда бывает при революции, перегибы оказались неизбежными. Синтоистских жрецов на все «очищенные» от буддистов храмы пока что не хватало. Случалось, что буддийские монахи подавали прошения об их «переквалификации» в жрецов синто.

Кстати, для них это стало бы неплохим выходом. Дело в том, что правительство серьезно ополчилось на буддизм. О расправах по образцу гонений на христиан речи не шло (в этом все же проявили мудрость), но число монахов было решено серьезно сократить. В конце концов, стране нужно увеличение население, и монашеский обет безбрачия этому сильно мешает. (Кстати сказать, японские власти в XIX веке пытались решить демографические вопросы гораздо более разумным путем, чем парламентарии в некой иной стране в XXI столетии. Те самые депутаты говорят просто о количественном приросте. В Японии сразу же делался акцент на возрастание трудового населения, способного производить материальные блага. Проще говоря, российские думцы твердят о количестве, японцы изначально поставили целью качество).

Теперь монахи не могли просить подаяния, а монастыри перестали быть административным органом государства. Но в 1872 г. процесс гонений на буддизм приостановился. Культ синто оставался, безусловно, стержневым, но и прочих традиций решили не отбрасывать напрочь.

Однако без революционных перегибов на местах дело не обошлось. «Проявлениями инициативы» стали поджоги монастырей и пагод, погромы. Даже одну из великих статуй Будды хотели сдать на металлолом.

Христианство пока что разрешено не было, предстояли долгие годы борьбы, притом борьбы абсолютно безоружной и ненасильственной. Летом 1868 г. были брошены в тюрьмы 2 400 последователей христианского учения. Но все же на Хоккайдо отец Николай в русской миссии смог тайно окрестить трех человек. Это первые японцы (за исключением Владимира Яматова), принявшие православие. Пока что – тайно... Отец Николай был убежден, как и всякий истинный христианин, что спасение души гораздо важнее невзгод и гонений в этом мире.

И он оказался абсолютно прав. Прошло несколько революционных лет – и гонения прекратились сами собой. Ведь, как ни странно это теперь выглядит, творцов религиозной реформы в Японии вдохновлял опыт государственного православия в России. (Правда, в Российской империи государь все же не был ни первосвященником, ни, тем более, воплощением божества).

Началось с того, что убрали запретительный указ XVII века, который прежде вывешивали в общественных местах. Было заявлено, что он и без того хорошо известен народу. (И не надо забывать: указ-то исходил от ныне ненавистного правительства бакуфу). Постепенно прекратились преследования. Запрет вроде бы и не отменили (очень не хотелось, чтобы кто-то мог сказать, будто это сделано под давлением иностранных (христианских) держав). Он скончался сам собой, а синтоистские власти «сохранили лицо». В 1872 г. с гонениями на христианство было покончено, поскольку связи с Европой потребовали новой религиозной политики.

И отец Николай смог открыто создать православную семинарию в Токио! Правда, ему пришлось письменно заявить: православие учит повиновению властям (а значит, императору). Этого было достаточно.

Уже позже, во время русско-японской войны, это приведет к некоторым странным коллизиям. Но, к чести японцев, нужно сказать: православных людей не стали преследовать и в то время.

Итак, гонений со стороны властей почти не стало. Но вот преследования на бытовом уровне... С ними оказалось гораздо сложнее. Правда, пострадавшие, как правило, христианами как раз не были (а правительственных чиновников-синтоистов, случалось, и убивали – как распространителей учения Христа, о котором в глухих уголках Японии, где происходили столь кровавые события, и понятия-то не имели).

Опасность, как всегда во время модернизации, представляли люди невежественные. А таких в Японии оказалось достаточно. Если уж императорский двор при сёгунате жил суевериями, что можно сказать о темных и забитых слоях крестьянства! Для них и буддийские молитвы до сих пор звучали как магические заклинания, а христианство и вовсе казалось чем-то непонятным – и оттого еще более страшным. «Варвары-христиане» должны были непременно пить кровь у и без того несчастных полуголодных людей. Их дочерей наверняка отнимут, а самим бедным труженикам не станет спасения от грабителей, которых, конечно же, расплодят подлые «варвары»!

Оснований для беспокойства, конечно, не было, но слухи о «питье крови» циркулировали и позднее, при введении всеобщей воинской обязанности.

Оснований, конечно, не было никаких (если говорить о христианах). Но вот сами власти... Кровь простых японцев они, конечно, не пили – но, в конце концов, заставили проливать ее в войнах. И пролили немало.

Крестьянских девушек никто, конечно, насильно у родителей не отбирал. Но те, что позже прибывали из глухой провинции в большие города, нередко «трудоустраивались» в публичные дома.

А если говорить о грабителях, то цены во время революции подскочили в шесть с лишним раз.

Видимо, изнанка реформ бывает одинаковой во всех странах. Но это – не повод для того, чтобы не проводить их. Просто нужно обратить внимание на весьма важную вещь – просвещение. От него-то, в конце концов, и зависит, успешными ли будут реформы.

Народное просвещение

Без обучения никакая модернизация невозможна. И сам юный император дал пример всей стране. Муцухито приходилось прослушивать лекции по конфуцианскому учению, по древней истории. Позднее он, увидев некоторую схожесть развития Германии и Японии, засядет за немецкий язык. Но, увы, сей предмет оказался слишком труден. Да и вообще надо заметить, императора, при всем огромном к нему уважении, прирожденным гуманитарием, как многих его предшественников, назвать нельзя.

Тем не менее, его образование было вполне традиционным. Но сейчас, после революции, требовалось обучать людей на новый манер. Вопрос – чему именно? Моральным ценностям? Но здесь-то все обстояло вполне благополучно (по крайней мере, так считали преобразователи). Вот естественные науки, технологии – это другое дело. Призыв изучать «западную науку», не теряя японской души, оказался весьма актуальным.

Но и сам император позаимствовал с запада одну аристократическую науку. Он совершил неслыханное, сев на лошадь – к ужасу придворного окружения и на радость людям вроде Такамори Сайго!

И, между прочим, эти упражнения не только для души, но и для тела некоторым образом воздействовали на историю. Время правления императора Муцухито значительно увеличилось, подвижный образ жизни оказал на него самое наилучшее воздействие.

Впрочем, придворное окружение к тому времени сильно поменялось: теперь в нем было больше самураев, чем особо родовитых аристократов. Чистку начали едва ли не сразу после смерти Комэя – без особого сожаления, поскольку по распущенности прежний двор мог бы оставить далеко позади даже Версаль, приблизившись к «веселым кварталам» Иокогамы. Теперь все было куда строже – и ближе к Европе.

Указ о всеобщем начальном четырехлетнем образовании был введен в августе 1872 г. Но эти слова не слишком быстро стали практикой. Лишь 28% детей обучалось на следующий год. Но, надо отметить, что грамотность в Японии была весьма высо-

кой для стран Востока еще при правлении сёгунов. К тому же, важно само намерение: творцы реформ интуитивно поняли, с чего надо начинать. С ликбеза, с той цели, которую даже советское правительство поставит далеко не сразу после революции. Японский император действовал гораздо четче. Было сочтено: важнее всего – начальное образование. Будущая элита страны должна пополняться из всех слоев общества. Введение университетов с преподаванием на западный манер – без сомнения, хорошая мера. Но кто станет в них учиться? Сыновья аристократов? Но пока люди будут разделены барьерами, истинную нацию создать не удастся.

Но вот вопрос – чему учить? Японский реформатор Юкити Фукудзава, побывавший и в Америке, и в Европе еще при Комэе, был горячим сторонником ликвидации конфуцианских принципов. Он верил, что Востоку необходимы не только естественные и точные науки, но и воспитание «чувства независимости».

Не всех обрадовали нововведения, часть крестьян не понимала, зачем их детям нужно какое-то образование, когда они должны поскорей начать работать на земле, как отцы и деды.

В этой работе редко вспоминаются вопросы экономики, но сейчас просто нельзя не сказать: расходы правительства Японии на образование равнялись оборонному бюджету. В то время так обстояло дело только в США. А теперь остается, отрешившись от наших нынешних стереотипов, посмотреть, в каких уголках мира экономика в следующем столетии развивалась успешнее всего. И сделать выводы.

И это при том, что образование на новый манер Япония начала практически с нуля. Раньше существовали школы при монастырях, отсюда и относительная грамотность. Теперь же требовались гражданские школы. Не было учебников, пособий, даже зданий. Учителя довольно часто жили едва ли не беднее крестьян. И это – не говоря уже о трудностях самого японского языка.

Но «западная наука» упорно пробивала дорогу. Часто в качестве пособий использовались переводные книги. Японские мальчики (и девочки, что характерно – образование и впрямь

становилось всеобщим) узнавали о жизни тех стран, которые их родители еще совсем недавно считали «варварскими». Они сидели за партами, как и положено школьникам. И никто не догадался ввести крайне вредных предписаний о раздельном обучении мальчиков и девочек (страшно подумать, что такие вопросы могли кем-то серьезно обсуждаться в России в начале XXI века).

Впервые в японском обществе начал закладываться конфликт отцов и детей, немыслимый при соблюдении конфуцианских ценностей. Но конфликт оказался лишь разрывом между представлениями о мире у одних и вторых. Вполне понятно, что при продолжении реформ он исчез сам собой. Конструирование сплоченной нации и государственности не обострило, а сняло эту проблему. Собственно, государственнические задачи перед школой и ставились.

Использовались школы и для того, что у нас получило название политинформации». И ученикам, и, что еще важнее, взрослым сообщали тот или иной указ. Конечно, незнание никого и нигде от ответственности не освобождало, но теперь незнание ликвидировалось в корне.

Интронизация и перенос столицы

Мы уже называли императора по девизу его правления, но сам девиз появился после официальной церемонии вступления на трон. О японских владыках было бы неправильно говорить: «император был коронован». Для этого, как минимум, нужны корона, скипетр и держава (последняя, кстати, появилась, о чем будет сказано чуть ниже). А в Японии их роль выполняют меч, зеркало и яшмовые подвески. И сама процедура состоит из нескольких частей. Первое – это как раз вручение преемнику регалий. А 27 августа 1868 г. прошла вторая часть – церемония «сокуи».

Обычно возведение императоров на трон устраивалось в согласии с китайскими канонами. Но теперь были сделаны нововведения. Синтоистские здравицы, молитвы и символы должны были вернуть собравшихся к истокам, ко временам Дзимму-тэнно.

Но самое главное нововведение как раз заключалось в присутствии «державы». Не в руке императора – ее трудно было бы удержать. Большой глобус стоял там, где прежде полагалось поместить буддийскую курильницу для благовоний.

Глобус (кстати, держава – это и есть символ земного шара) должен был продемонстрировать две вещи. Во-первых, то, что Япония становится открытой для мира. Во-вторых, его положение к югу от трона, как и у подданных императора, говорило о том, что государь Поднебесной по-прежнему считается владыкой мира. И сторонникам новых веяний, и их скрытым противникам было чем гордиться.

В сентябре 1868 г. приняли девиз «Мэйдзи». Тогда же было заявлено: одно правление – один девиз. Никакие неудачи не должны приводить к его смене. Впрочем, государю и не могут сопутствовать неудачи – это нововведение нужно было трактовать именно так.

Выбор проходил так: было предложено несколько вариантов, и император отдал девиз на суд богов, вытянув жребий во время церемонии в дворцовом святилище. С этого же года день рождения государя стал общенациональным праздником. Традиция была позаимствована из древних времен, как и многое другое.

Теперь требовалось отказаться и от самой киотоской жизни с ее церемонностью и суевериями.

Вот этот вопрос вызвал нешуточные дискуссии. Некоторые требовали многостоличья (Киото – Осака – Эдо). Многие полагали, что Осака станет лучшим выбором. В любом случае, требовалась ссылка на историю. На месте города Осака располагалась Нанива, которая в свое время была резиденцией добродетельного императора Нинтоку. Друг и соратник Такамори Сайго, Тосимити Окубо, который стал одним из идеологов перемен, высказался за этот вариант.

Был еще один проект: император станет переезжать из Киото в Эдо и обратно. А сами города переименуют в Сайкё (Восточная Столица) и Токё (Токио, Западная Столица).

Все же выбрали Эдо – как раз, когда завершился период, названный именем города. Его переименовали, забыв о Киото

(а заодно – «забыв» отменить функции императорской столицы, поскольку император не желал ущемлять жителей города, где он родился).

Для начала потребовалось организовать путешествие монарха, за что взялись еще двое идеологов – Симпэй Это и Томоми Ивакура. Последний прославлен еще и тем, что был рьяным поклонником русского императора Петра Великого и его реформ.

Императорский паланкин двинулся из Киото 20 сентября, еще до полного разгрома противника на острове Хонсю. Требовалось спешно продемонстрировать людям: «вакуума власти» после краха сёгуната нет, в Японии правит энергичный монарх, который возродит жизнь после войны. И у бывшего Эдо появится великая судьба, так что покидать его не следует.

Многокилометровая процессия оказалась куда внушительнее, чем прежние «караваны» даймё и сёгунов. Этот поход означал перемены и триумф победы. Императору поклонялись, как божеству, а сам он молился курганам предков.

Киотосцы попытались повернуть дело вспять, уже во время путешествия придворные аристократы сообщили: обвалились ворота-тории в святилище в Исэ, императору нужно вернуться, ибо это дурной знак. Прежде суеверия действовали безотказно, теперь же было заявлено, что по поводу обвалившихся ворот устроят специальное богослужение, а государь продолжит путь, и волноваться тут не о чем.

Дорога произвела невероятное впечатление на Мэйдзи. Он видел своих подданных-крестьян, впервые смог полюбоваться Фудзи, и был поражен красотой этой горы. Юноша, почти подросток, открывал для себя новый мир. Правда, пока что он был закрыт для мира, сидя в паланкине. Но и это было не навсегда.

И новая столица, которая оказалась крупнее Киото, и замок, и японский военный корабль в гавани, на который юноша, невзирая на ужас и протесты, все же поднялся – все казалось невероятным. И все было впервые.

Правда, в Киото он все же ненадолго вернулся, успев на поминальную службу к окончанию срока траура по Комэю. Там же состоялась и свадьба с Харуко – отныне императрицей. Но

третья часть возведения на трон – церемония Великого праздника урожая – состоялась все-таки в Токио. На этом празднике император-тэнно, вкушая жертвенный рис, пирует с божествами, делаясь одним из ками.

Именно тогда вопрос о столице оказался решенным до нынешних дней.

Глава 43

Уничтожить как класс

За утра снова солнце встанет,
Возвратит надежду людям,
Мы мудрей и тверже станем,
Только прежними не будем...

Э.Р.Транк

Название главы не случайно. Самурайство и в самом деле было уничтожено как класс. Но это совсем не значит, что его ликвидировали физически, как это случалось при других революциях. Нет, слова полностью отражают действительность. Феодальные классы должны были умереть, а те, кто принадлежал к ним – стать частью единой японской нации.

Ликвидация вотчин по «инициативе снизу»

20 января 1869 г. даймё четырех княжеств, которые начали войну за дело императора – Сацумы, Тоса, Тёсю и Хидзэн – подали императору обращение, которое стало не менее важным шагом революционной реставрации, чем «Клятва пяти статей». Было заявлено: все в Японии принадлежит императору. Значит, это касается и земли. При сёгунах этот исторический обычай пребывал в забвении, земли перешли к даймё. И это – несправедливость, которую следует устранить. Поэтому четверо

князей ее и устраняют: они передают свои земельные реестры и реестры людей, проживающих в княжествах, императору. К чему и призывают всех прочих даймё.

И все прочие последовали, не передали реестров лишь двенадцать князей.

Подобные перевороты редко проходят столь мирно. Одно дело – символы власти, и совсем другое – власть реальная, то есть, собственность. Но тогда уже стало понятно: главная задача – стать одной из великих держав. А для этого стране необходим порядок. И «хозяин», который этот порядок наведет.

К тому же, силовое решение проблем состоялось только что, и лучше с сацумцами и их союзниками не спорить.

К тому же, регистрация земельных реестров не была чем-то из ряда вон выходящим. Она проводилась и при сёгунах: князья отдавали им реестры, после чего милостиво получали их обратно. Правда, тогда все обходилось без громких заявлений.

Летом того же года 262 даймё, подавшие обращение, получили милостивое разрешение на совсем иную процедуру – на возвращение реестров (и, соответственно, владений) императору. (А тем, кто к обращению союзных княжеств присоединиться не захотел, пришлось все равно это сделать, но по приказу). Они назначались губернаторами вотчин, то есть, становились обычными чиновниками, пусть и крупного ранга. Управлять им позволили, но уже не от себя лично, а от имени Мэйдзи.

Сразу же были предприняты и меры по формированию сплоченной нации. Прежнее сложное деление на фактические касты сводилось к «кадзоку» («знати» – бывшим даймё), «сидзоку» (так обозначили самураев) и «хэймин» (простолюдинам). Впоследствии уровняли в правах с простолюдинами и париев, что вызвало протесты и неприязнь многих крестьян: как же, теперь не станет тех, кто был ниже их и кого можно презирать! (Чем и было лишний раз доказано: победившее восстание простолюдинов куда страшнее, чем «революция сверху»). Презрение к «эта» на бытовом уровне все же осталось надолго.

В 1871 г. произошла административная реформа: упразднили княжества. Естественно, и в этом случае важную роль сыграла юго-западная коалиция. Теперь создавалось деление на

префектуры. Мелкие княжества объединялись. Получилось 72 префектуры, особый округ (Хоккайдо) и три города, приравненных к префектурам – Токио, Киото и Осака. Названия префектур, как правило, не повторяли названий княжеств. Затем административное деление меняли, а 1888 г. оно приняло фактически известный сегодня вид – 47 префектур.

Бывших владетелей переселили в Токио. Им было к этому не привыкать. Но теперь огромное число самураев, ранее подчиненных даймё, оказались не у дел. И началось то, что в другой стране и в другую эпоху назвали «вписыванием в рыночные отношения». На том, правда, сходство и заканчивалось: никто никого не бросал «на волю волн».

Конец самурайского сословия

Первое, что было четко проделано – это выплата содержания бывшим даймё и самураям. Для этого требовалось финансовое обеспечение, и оно было получено в виде займов у Англии. Заметим, никто и не подумал эти займы растащить.

Самураям и князьям выплачивались пенсии. Можно было обеспечить средний уровень пожизненно, но существовала и возможность получить более крупную выплату за несколько лет вперед, отказавшись от пожизненного содержания. Те, кто сделал так, не прогадал: в 1876 г. выплаты отменили, средства перевели в долгосрочные государственные облигации. На проценты от них могли прожить разве что экс-даймё.

Особо серьезных протестов такая продуманная политика не вызвала. Многие даймё действительно заботились о благе императора и Японии (хотя это утверждение может прозвучать странно в наши дни), часть из них была готова служить государю в качестве прямых вассалов в создаваемой армии. Господином теперь считался император Мэйдзи, а значит, мир для этих людей не утратил целостности и смысла.

Разумность не привела к крупным конфликтам. Но самураям – высшему сословию, наиболее образованному классу населения, – нужно было найти достойное занятие. Конечно, многие из них уже попробовали, что значит мир рыночных отношений, хотя это было и неправильно с точки зрения бусидо. Другим

же пришлось менять обычаи во всем, начиная с внешнего вида. Бывшим самураям для начала пришлось поменять прическу: отказаться от бритья лба и ношения косицы. Все это напоминает реформу Петра I с бородами и костюмами. Оба случая вполне естественны: внешность и символы – это далеко не пустые вещи. Перемены в названиях, цветах флагов или внешнем виде не менее важны, чем экономические реформы. Это то, с чем человек сталкивается ежедневно, то, что определяет сам стиль мышления. Символы – своего рода бытовая магия. Правильно поменяв их, можно достичь успеха и в экономике. Если же такие перемены не были продуманы и выверены, реформы могут затормозиться по вроде бы не вполне ясным причинам.

Поэтому «мелочи» – требование к ношению одежды европейского стиля для чиновников, распространившееся постепенно на все слои общества – помогли переменить облик страны и, в конечном счете, сделать ее великой державой.

Почему-то особенной популярностью пользовался европейский цилиндр. Возможно, именно эта деталь одежды казалась наиболее непривычной – а значит, и необходимой в новой системе «европеизации». Во всяком случае, уже гораздо позже, при подписании капитуляции в 1945 г., японская официальная делегация была именно в цилиндрах.

Трудоустройство самураев оказалось выполнимой задачей. Государство формировало армию, но особенной популярностью среди бывшего феодального сословия пользовалась полиция, которую и комплектовали из них (по крайней мере, высшее звено). Образованность самураев дала стране врачей, ученых, преподавателей. Так что, при разумной политике, эти люди вписались в эпоху. Что же до чиновников, вышедших из среды небогатых самураев, то среди них было распространено такое странное понятие, как честность (а вот о чиновниках из богатой аристократии подобного сказать нельзя). Это полностью противоречит иллюзиям, распространенным даже и сейчас в России и никак не подтвержденным на практике: мол, если дать госслужащему огромное содержание, то ему не захочется совершать ничего противоправного. Аппетит, как известно, приходит во время еды, а честность не зависит от оклада чи-

новника (в конце концов, при любом раскладе его не заставят голодать, ему не придется брать взятки, чтобы выжить). Все гораздо сложнее, воспитание и образование, ценности, привитые с детских лет, значат куда больше.

Вообще же, в ранние годы правления Мэйдзи верхний эшелон власти остался за юго-западными княжествами, что вполне понятно: именно они сыграли выдающуюся роль в революционной войне. Но чиновничество среднего звена – это бывшие вассалы даймё из клана Токугава. Они были наилучшими практиками-исполнителями. Их не отвергли, а спокойно предложили свою роль в процессе.

Безболезненность процессов революции Мэйдзи все же не оказалась полной. Если продолжить аналогии с современной Россией, то в Японии не обошлось и без своего трагического «октябрьского путча». Но об этом будет сказано в следующей главе.

Удар по терроризму

Авторы реформ времен Мэйдзи еще в XIX веке поняли то, что в современных державах, страдающих от терроризма, выяснили только что. Любой фанатик-террорист остается таковым, только пока понимает, что он станет героем, пусть даже и мертвым. А если на посмертный героизм рассчитывать не приходится, то фанатизм начинает потихоньку испаряться. К тому же, он не может быть вечным: как правило, этот «герой» достаточно молод, и, если он не имеет серьезного психического заболевания, молодой организм волей-неволей «проголосует» за любовь к жизни.

С самурайским терроризмом расправились без массовых репрессий. Просто теперь почетная казнь через ритуальное самоубийство отменялась. Уголовный кодекс предусматривал совсем иные меры наказания – притом как для самураев, так и для простолюдинов. За терроризм их ждала каторга или, в случае совершения особо тяжкого преступления – позорная казнь через повешение.

Теперь атаковать иностранных подданных стало легким путем не к посмертной славе, а к петле. А рядом могут повесить выходца из крестьян или даже человека из парней, совершившего разбой или убийство...

И терроризм пошел на спад. Хотя проблема решилась и не полностью – оставались еще люди с больной психикой, и один из них впоследствии даже вошел в русскую присказку... Но торопить события мы не станем.

Кодекс не только ввели, но и применили, отправив на виселицу одного из самураев, напавших на иностранцев в Токио (остальные попали на каторгу).

Реформаторы надеялись, что теперь иностранное военное присутствие на японской земле окончится. Но англичане и французы, державшие войска в Иокогаме, уходить не торопились, и этот город все больше напоминал отторгнутый от Китая Гонконг.

Дела международные

В 1869 г. впервые в истории состоялся официальный визит представителя чужеземной правящей династии в Японию. Им оказался герцог Эдинбургский. Восточные международные отношения не признавали принципов равенства, и «братское» общение европейских монархов показалось бы непонятным. Теперь же в Японии спешно разработали достойные правила. Правда, несмотря на вполне европейский артиллерийский салют, провели и очистительный ритуал, обмахав бумажными метелочками (вероятно, герцог понял, что это часть традиций гостеприимства, а не нечто не вполне достойное).

Император побеседовал с гостем в павильонах дворца, и разговор особо содержательным не оказался. Они продемонстрировали добрые намерения – это и было главным достижением. Британский принц подарил табакерку со своим портретом, что было странным для Японии. Император сделал ответный подарок, а заодно передал стихотворение, написанное для королевы Виктории. Его перевод приведен А.Н.Мещеряковым:

Если правишь
С думой о людях,
Небо с Землею
Вместе пребудут
Веки вечные.

Вскоре Япония впервые приняла участие вопросах, касавшихся войн великих держав. Во время франко-прусской войны она объявила нейтралитет. Позднее прусский король, сделавшись кайзером, сообщил об этом не только Европе, но и Японии. Закрытая прежде страна становилась частью мира.

В 1871 г. Япония попыталась самостоятельно заключить... неравноправный договор в свою пользу! Жертвой избрали Китай. Но пока «дипломатию канонерок» применить оказалось невозможным, и договор оказался как раз равноправным.

Теперь посольства Японии были куда более подготовленными. Нужно было точно выяснить политическую организацию стран Запада, после чего пересмотреть неравноправные договоры, навязанные стране. В ноябре 1872 г. началась длительная поездка по США и Европе миссии во главе с министром иностранных дел Томоми Ивакурой.

Камнем преткновения оказался режим наибольшего благоприятствования, данный иностранным державам. Любые льготы немедленно получали все страны, подписавшие соглашения. Но сама Япония режимом благоприятствования не пользовалась. Увы, пока пересмотр договоров оказался делом бесполезным, его требовалось подтвердить более весомыми аргументами – армией и флотом, например.

Уже во время поездки обнаружилось, что необходима одна деталь, о которой в Японии не помышляли: портрет императора. Изображать государей до сей поры запрещалось, даже на гравюрах, посвященных поездкам Мэйдзи по стране, запечатлен лишь паланкин с фениксом.

В 1872 г. сакральный запрет пришлось снять. Императора сфотографировали в одеянии, принятом при дворе. Увы, это не соответствовало ни мужественности и решительности, ни модернизации.

Хотя Германия с еще не до конца изжитым феодализмом и могущественным монархом показалась более похожей на тогдашнюю Японию, особо существенной стала поездка Томоми Ивакуры и его делегации в Санкт-Петербург. На сей раз Владимир Яматов уже безбоязненно появился перед посольством со своей родины и даже принял решение возвратиться. Все про-

исходящее напоминало Великое посольство Петра в Европу (хотя Мэйдзи так и сделал официальных визитов за рубеж).

А пока Томоми Ивакура с помощью Владимира Яматова приобретает портреты своего русского кумира – Петра Великого, – нам нужно решить небольшую филологическую русско-японскую проблему. Правда, «решить» – это слишком громкое слово. Достаточно хотя бы ее обозначить.

Итак, «суси» или «суши»?

Что такое «киридзи»?

«Киридзи» — это запись японских слов по-русски (кириллицей, отсюда и название). Но появляется вопрос — как правильно записать те самые японские слоги, которые звучат не в соответствии с русским произношением? Ну, к примеру, «ши» или, все-таки, «си»? В японском языке может слышаться и то и другое, смысл остается тем же.

Есть и другие проблемы: иногда в японской речи «глотается» гласный звук, но в записи он есть («Аска» или «Асука»). В последнем случае, кстати, важно еще и ударение; в русской версии одного из многочисленных фильмов о звонках из потустороннего мира диктор напирал на неверное ударение, хотя голос актера за кадром передавал японский (вполне нормально звучащий для русского человека) вариант. В исторической драме об эпохе правления Комэя в названии «Чжошу» уже почти невозможно узнать знакомое нам княжество Тёсю.

Заменять ли в некоторых случаях «т» на «ч»? Правильнее ли всегда писать «э» вместо «е»?

Все это не имеет однозначного решения: на нас слишком сильно влияет традиция. Но в России есть и те, кто уверен, что названия надо передавать максимально близко к оригиналу (особенно яркий пример — уже упоминавшийся Ю.Л.Нестеренко, убежденный даже в необходимости использования слова «Дойчланд» вместо «Германия» и т.д.)

Я стараюсь следовать одновременно двум принципам. С одной стороны, это следование сложившейся в Российской Империи и СССР традиции. Поэтому «Токио» и «камикадзе» пишутся имен-

но так, а не иначе, хотя правильнее были бы варианты «Токё» и «камикадзэ». Но жизнь меняет традиции. Если в советских книгах о Японии можно было встретить слово «суси», то теперь, когда мы познакомились с этим блюдом японской кухни, вариант «суши» стал общераспространенным. (Обратим внимание: новая традиция добавила слово «аниме» без «э»). Ну, а там, где традиция отсутствует, я придерживаюсь написания «киридзи» (Комэй, Гэмпэй, Бэнкэй и т.д.)

Метод транслитерации («киридзи») разработан в 1917 г. русским востоковедом Е.Д.Поливановым, позднее незаконно репрессированным.

Да здравствуют перемены, большие и маленькие!

Казалось бы, совсем недавно японские вельможи смотрели на модель паровоза, как... Пожалуй, обидные для них эпитеты здесь будут неуместны – такое впечатление первое знакомство с железной дорогой производило и в цивилизованных странах. Но вот в 1872 г. состоялось открытие японской железной дороги между Токио и Иокогамой. Конечно, японской назвать ее можно лишь с определенными оговорками: и оборудование, и инженеры прибыли из Европы, а вокзал на месте, где когда-то стояли представительства княжеств, более прочих мешавших новому порядку, возвели по американскому проекту. Но все же это было гигантским достижением!

Тогда же, под влиянием Англии, было избрано левостороннее движение (доставившее в наши дни столько головной боли российским владельцам импортных японских автомобилей). Больше на такое не решился добровольно никто, «левосторонность» принята лишь в британских колониях. Железную дорогу открыл сам император. Сам Мэйдзи и сделался первым пассажиром. Как видно, юношеская любознательность не была им потеряна.

Но для точного движения составов нужна четкость по времени. А владыкой времени в Японии является государь. И здесь реформы не обошлись без него. Мы с удивлением и недоверием читаем у авторов XIX века (например, у В.Крестовского) сетования по поводу японской неточности. Но, видимо, это было

так: страна, прославленная в XX в. производством электронных часов, жила по полусонному времени. Но лишь до реформ.

С начала 1870-х в Японии все больше распространяется европейское измерение времени, которое, в конце концов, сменило прежнее деление суток на 12 страж. Менялся и календарь, прежний лунный, заимствованный из Китая, уходил в прошлое. Новый год стал начинаться по европейской традиции, 1 января. Но отсчет по девизам – традиция, связанная с императорским правлением – продолжается и по сию пору. По крайней мере, он используется в официальных документах, так что сейчас идет 19-й год эры Хэйсэй. Кроме того, можно отсчитывать время и от основания Японии императором Дзимму. И эта система с главным праздником 29 января получила распространение.

Словом, если исторических традиций нет или они уже забыты, их можно изобрести. А заодно – совместить свой «особый» путь с путем цивилизации.

Японцы хорошо усвоили, что «время – деньги» – это не просто лозунг западной цивилизации. Это – ее суть. Чтобы войти в число победителей (западных стран), необходимо сделаться время-ориентированным народом, другого пути просто нет, остальное – опасные иллюзии. В мире развитых народов все решают скорость и точность.

Вспомнили теперь и о забытом телеграфном оборудовании. Первая телеграфная линия тоже соединила Иокогаму и Токио.

В городах, тем временем, росли каменные здания. Широкая улица Гиндза в квартале, который «расчистил» пожар 1872 г., стала смелым архитектурным экспериментом – и символом новой Японии. Этим зданиям был не столь страшен и огонь. К тому же, и мостовая с тротуаром стали нововведениями. К сожалению, большая часть тех зданий не пережила 1945 г.

Нововведения касались всего: национальных праздников, одежды и причесок, банкнот. В 1873 г. появились купюры национального банка нового образца. Между прочим, рисунки были с прозрачными намеками – регентша Дзинго на коне во главе войска, бог Сусаноо, одолевший чудовище (кстати, это было нечто новенькое – синтоистский бог, изображенный в че-

ловеческом обличии). Все говорило о том, что Япония отнюдь не забыла эпопею Тоётоми Хидэёси, и рано или поздно начнется континентальная война. Но пока сильная армия лишь создавалась, и стране не была готова к боевым действиям.

Вскоре появилось и еще одно новшество – почтовые марки. Но здесь великая островная страна поступила ровно наоборот в сравнении с той, что расположена у другой оконечности Евразии. Если в Британии (ей принадлежит честь создания первых почтовых марок) портрет монарха заменяет даже название страны, то в Японии таких портретов не было. И нет до сих пор (хотя ситуация может поменяться). Сегодня представлены все возможные сюжеты – от спутников олимпийских видов спорта до традиционной живописи и героев фильмов-аниме. А императоров Японии изображают, но на марках других стран.

Новинкой стали государственные награды – ордена, учрежденные на западный манер – со множеством степеней, звездами и лентами. Но если приглядеться к ним внимательнее, окажется, что все награды имеют национальный колорит: и орден Восходящего Солнца, и орден Сокола, и прочие.

Особе место заняла аграрная реформа. Правительство решилось на куплю-продажу земли, а затем потребовало сдачи крестьянами налогов не продукцией, как было раньше, а деньгами. Налог на землю формировал, в основном, бюджет. А вот займов за границей старались брать как можно меньше. Но самым главным достижением земельной реформы стало то, что проявилось куда позже, уже в наши дни – развитие индивидуализма и личной ответственности. Не европейские костюмы и манеры, не религия или высокие технологии, а именно это и отличает человека цивилизованного от варвара.

В те годы вошло в оборот еще одно японское слово. Конечно, железная дорога – это отлично, но сеть таких дорог еще предстояло создать. К тому же, они удобны далеко не всегда, а до появления обычного городского транспорта оставалось много времени. Низкорослые приземистые лошадки (европейца назвали их «пони») грунтовые дороги не разрушат, но они не всегда удобны в использовании на узких улочках. Паланкины «вышли из моды», к тому же, это медленный способ передви-

жения, пригодный для важных вельмож и придворных дам. А вот людям попроще требовалась замена, – и она не замедлила появиться. Известен даже изобретатель – Ёсуки Идзуми. Он и стал первым рикшей в истории. Первое название было «дзинрикися» – «человек-коляска». Впоследствии они стали для европейцев «дженерикшами», а потом слово приобрело современное звучание. Труд рикш, конечно же, был убийственным для их здоровья. Но для тех, кто оставался не у дел (даже для некоторых самураев) он стал выходом.

А вскоре это изобретение стало популярным на всем Дальнем Востоке.

Происходили и вещи, строящие новую Японию на ритуальной основе. Император самолично освятил ликвидацию феодальных границ и создание единой страны. Поездки по стране теперь были открытыми. Он не выходил с речами к народу, но людям было достаточно лицезрение его величества. Мало того – на нем был не положенный традициями костюм, а мундир европейского покроя, черный с золотым шитьем, на голове красовалась шляпа-треуголка. Уходило в историю поверье насчет потомка солнечной богини: посмотрев на него, никто не ослеп. Но сердца людей переполнялись радостью – и это никакое не преувеличение. Японцы искренне любили своег7о императора, почитая его, как бога. Иногда амулетами считали камешки с дороги, по которой проехал император. Гравюрам с изображением процессии поклонялись, словно иконам. Люди стояли в очередь, чтобы посетить здание, где останавливался государь.

В нашей стране, пережившей культ личности, все сказанное может вызвать неприязнь, даже отвращение читателя. Но нельзя судить другую эпоху и другой народ по своим представлениям. Для японцев того времени Мэйдзи был самым настоящим земным богом, притом не грозным и жестоким, а несущим благо. Они и поклонялись богу, как умели. И он, как умел, платил добром своим подданным. И вот здесь разговоры о «варварстве» неуместны. Тем более что Япония сделала еще один важнейший шаг к цивилизованности. Императорское министерство юстиции торжественно запретило в 1872 г. работорговлю – такого даже «самые свободные» Соединенные

Штаты Америки добились через десятилетия после возникновения, причем – ценой большой крови.

А дело было так. Перуанское судно «Мария Луз» зашло в Иокогаму, следуя из Макао. На борту находились сотни рабочих-кули из Китая. (Вот только не надо обманываться словом «рабочие» – это были самые настоящие рабы, которых вывозили на плантации латиноамериканских скоробогачей. Конечно, республики Южной Америки восприняли идеалы свободы равенства и братства, на них повлияли идеи Великой Французской революции. Но это «братство» распространялось далеко не на всех).

Один из китайцев бежал на стоящий поблизости британский корабль, а британцы передали его Японии. Он сообщил о зверствах капитана-рабовладельца. Японцы передали его капитану с условием не наказывать. Но вскоре проследили, как исполняются их предписания. Когда же выяснилось, что никак, судно задержали, а рабов освободили. Перуанцы потребовали японскую сторону к ответу, и те нашли международного арбитра – русского царя-освободителя Александра II. И он, избавивший Россию от рабства, признал, что японская сторона действовала справедливо. Перуанцы, хорошо информированные о ситуации, заявляли, что и сама Япония не избавлена от греха работорговли. Что ж, было решено управиться и с этим.

И продажа девушек из необеспеченных семей под залог в публичные дома, хотя и не прекратилась совсем, сделалась в Японии незаконной. Их долги простили, рабыни смогли уйти от хозяев. А страна получила заслуженные аплодисменты от цивилизованных государств.

Глава 44

Опальные триумфаторы

Для людей, подобных «другу народа», революция – это миллионный выигрыш в лотерее, – иногда, как в анекдоте, и без выигрышного билета. Говорю, разумеется, о «славе»: личные практические последствия могут быть неприятные...

М.Алданов, «Ванна Марата»

И все же, период Мэйдзи – это, прежде всего, революция. И ее путь, как и всегда в таких случаях, тернист и извилист. Прежний герой может в одночасье стать врагом и отправиться на эшафот или возглавить контрреволюционный мятеж. Так стало с истинным героем революции Мэйдзи – первым маршалом страны Такамори Сайго. И войны на континенте начались уже без этого, вне всякого сомнения, выдающегося полководца.

Оппозиция и пресса

Пошедший было на спад японский терроризм вновь оживился в 1874 г. Причиной недовольства уже бывших самураев стал отказ правительства от немедленной войны в Корее. (Заметим – недовольство высказывалось не в отношении императора).

Террористов, напавших на министра Томоми Ивакуру (тот уцелел) изловили и повесили. Это были самураи из бывшего союзного княжества Тоса. И на свои действия они решились как раз из-за «корейского вопроса». (Точнее, из-за страстного желания «маленькой победоносной войны»).

Можно сколько угодно осуждать развитые страны того времени за желание передела собственности на земном шаре. А можно и не осуждать, а посмотреть на вещи здраво.

Народы, к сожалению, не развиваются одинаково быстро. У одних происходит машинная революция, другие продолжают охотиться с луком и стрелами. А то и движутся по нисходящему пути. И почему бы не взять «шефство» над территорией и природными богатствами, которые обладателям стрел и копий без надобности. Конечно, такая вещь, как рабовладение и работорговля, достойна всяческого осуждения. Но этим занимались далеко не все колонизаторы. К тому же, представим себе на секунду, как бы развивались события, если бы не белый человек открыл Америку, а, скажем, быстро развившиеся ацтеки вторглись бы в средневековую Европу... Вероятно, это стало бы кошмаром.

Так что «проклятый колониализм» – это, на самом деле, в большинстве случаев разумный способ хозяйствования и управления. Насколько разумный, показывают события последних пятидесяти лет: так называемые «развивающиеся» страны получили независимость, но многие из них развиваются? И сколько таких государств погрязло в бесчисленных войнах всех против всех, в переворотах и такой коррупции, которая не снилась белым колонизаторам. Право на независимость мало получить, его надо доказать. Японцы при Мэйдзи доказывали его ежедневно. Но так хотелось большего!

Ведь все западные страны занимались дележкой собственности. Россия осваивала пространства азиатской части, завоевала Кавказ и внимательно посматривала в сторону Константинополя. Британия прочно (как казалось) укрепилась в Индии. Французы поглощали по частям Индокитай. США с боем взяли «дикий запад». Даже португальцы, голландцы и бельгийцы получили по империи. Только что объединившаяся Германия рассчитывала на приращение за счет Африки. А что же Япония? На земном шаре пока еще было поделено не все. Но это – пока.

Ну как тут не вспомнить крестьянского сына Хидэёси и его дерзкий континентальный проект! К тому же, бывшие самураи

застоялись без дела. Но сейчас надо было решить внутренние проблемы.

В стране появилась и вполне легальная оппозиция. Поступило предложение о созыве Народного собрания, фактически возникла первая политическая партия – Движение за свободу и права народа. И в качестве примера неверных действий власти приводилась отмена корейского похода.

Предложение оппозиции не стало кулуарным, оно появилось в газетах, которых в то время становилось все больше. Простой народ оказался свидетелем политической борьбы, хотя об участии пока все же говорить не приходилось.

Газеты того времени должны были выполнять другие функции – помогать в цивилизаторской работе и воспитывать людей (как правило, на языке конфуцианской морали, понятном и привычном). Зато цивилизаторство периода реформ весьма отличалось от того, к которому привыкли жители другой страны и другой эпохи. В этой другой эпохе и стране ведущее место по тиражам заняла «желтая пресса» с объявлениями от гадателей и потомственных колдунов в сотом поколении, газеты помогали (а многие – помогают до сих пор) делу регресса и всеобщего оглупления. В Японии при Мэйдзи газеты играли принципиально иную роль: они способствовали всеобщей грамотности и громили всяческих шаманов, колдунов и прочих мошенников, высмеивали тех, кто верит им. Рационализм и научное сознание – вот что стало предметом пропаганды.

А.Н.Мещеряков приводит характерный пример публикаций о необходимости грамотности: «Некий человек отправился в Токио и послал своей неграмотной жене денежный чек. Та ничего не могла понять и отправилась к монаху, который сказал, что муж прислал подношение божеству, и она действительно положила чек в домашнюю божницу. Письмо кончалось бранью по поводу жены-бестолочи. Здесь был урок для всех – и для женихов, и для невест. Будешь неграмотной – никто тебя замуж не возьмет...»

Не надо недооценивать ни прямых моральных выводов, ни азбучных истин, высказанных в лоб. Отказ от них в России во время реформ 1990-х – одна из причин того, почему эти годы ви-

дятся нам теперь, как «безумные». Что же до Японии Мэйдзи, то так эта технология действовала вдвойне хорошо. Японцы – весьма совестливая нация, боязнь «потерять лицо» прививалась им с детства. Там журналист и впрямь стал «четвертой властью».

Заметим, Интернета в то время не было, телевизионных ток-шоу – тоже, зато имелись разделы писем. Вопросы, ответы, обмен мнениями – все выносилось на страницы газет. Письма в газеты доставлялись бесплатно: правительство поддерживало тягу народа к информированности. В процесс вовлекли даже синтоистских жрецов, а потом и буддийских монахов: те должны были читать не только проповеди, но и газеты тем, кто еще был неграмотен. Страна объединялась благодаря информации. Родной становилась не привычная деревня, а вся страна.

Вот в это время и случился «корейский вопрос». И не просто случился, а расколол общество.

Первое восстание против нового режима

Юго-запад Японии считался опорой революционной реставрации. Как выяснилось, до поры. В феврале 1874 г. в префектуре Сага на юго-западе началось восстание самураев. Экономических требований восставшие не выдвинули, главными же политическими стали – восстановление самурайского статуса и Корея.

Главой восставших был Симпэй Это, бывший член правительства, а ныне – оппозиционер. Он даже просил помощи у Такамори Сайго, но тот отказал – правительственную экспедицию возглавил Цугумити Сайго, его младший брат.

Восставших разгромили почти мгновенно – не в последнюю очередь благодаря новым технологиям. Симпэя Это арестовали, попытались судить по им же разработанному уголовному кодексу, но, поскольку в нем не оказалось статьи о мятеже, обратились к китайским прецедентам – и, лишив званий, отрубили голову, выставив ее на обозрение людей...

Звучит, конечно, варварски. Но, господа, в цивилизованной Франции того времени имелся сходный обычай. И что бы ни говорилось о «японских зверствах» в тот или иной исторический период, европейцев в этом они не превзошли никогда.

Территориальные приобретения

Суть «корейского вопроса», что и понятно, состояла в желании «вскрыть» страну, находящуюся в изоляции – так, как это сделал Запад с Японией. Корея «вскрываться» добровольно не пожелала (там, видимо, еще не до конца забыли Хидэёси и дона Антонио), к тому же, осмелилась критиковать Японию за разрушение обычаев старины. Она имела контакты лишь с княжеством Цусима и его представительством в Пусане (все в той же Мимане под новым названием). Но княжества исчезли, и представительство стало общеяпонским. Корейцы воспротивились такому повороту, японцы решили вести переговоры. Такамори Сайго, романтик революции, предложил направить в качестве посланника его лично. Он прекрасно понимал, что дипломат из него никакой, да и не к тому стремился: он полагал, что посланника убьют, и это станет нужным предлогом для войны.

Теперь понятно, как отсрочка военной экспедиции могла подействовать на таких людей.

Что делать, если интересы развития требовали расширять территорию, бывшие герои революции рисковали за то же самое головой, а Корея оказалась пока не по зубам? Ответ – расширять территорию за иной счет. Что и было проделано.

Еще при Комэе Япония начала потихоньку прибирать к рукам архипелаги мелких островков к югу от страны. Первой «жертвой» стали в 1863 г. острова Огасавара. Завоевание прошло мирно: до этой территории не было никому дела, а японцы просто подобрали то, что плохо лежало, мирно договорившись с островитянами. Вся эта экспансия была лишь поддержкой престижа, южные острова приобрели важное стратегическое значение лишь в XX веке.

Теперь было решено отхватить больший кусок. В 1871 г. рыбаки с островов Рюкю потерпели крушение у острова Тайвань. Аборигены из местных аустронезийских племен убили большинство из них.

Это случай стал тем несчастьем, которое сильно помогло японцам. Теперь, после отмены княжеств, статус Рюкю должен был измениться. Король оставался данником и вассалом Ки-

тая, но его королевство оказалось зависимым от префектуры Кагосима. И, если Япония хотела «защиты своих подданных» на Тайване, принадлежность Рюкю следовало поменять.

Ее и поменяли, объявив архипелаг княжеством и запретив королю (князю) несанкционированные контакты с заграницей. Теперь следовало «разъяснить» Тайвань. Оказалось, что на острове есть граница, и преступление совершено за ее пределами – во всяком случае, так заявил Китай. Да и оставшихся рыбаков вернули на Окинаву именно китайцы, так что инцидент исчерпан. Но только не для Японии.

Стало быть, на острове нет хозяина? Значит, теперь хозяйкой станет Япония. Акцию возмездия выполняли войска Цугумити Сайго, хотя план был поддержан далеко не всеми в Токио. Цугумити даже не послушался приказа об отсрочке, который поступил после объявления Британией и США нейтралитета.

7 мая 1874 г. десант высадился на бесхозном острове, и японцы захватили территорию без сопротивления. Что же до китайцев, то они узнали о событиях... от британского посланника. Враждебное племя было наказано (догадайтесь, какими методами). Остальным это, было, видимо, лишь на руку, поскольку с ними японцы установили дружбу, одаривая японскими флагами (она еще не понимали, к чему все это) и фотографируясь с вождями.

Для цивилизаторов итог оказался таков: 12 человек убито, 1 утонул, 525 умерли от малярии (и это – из 3 600 человек). «Малая победоносная война» на Тайване оказалась предшественницей больших бедоносных азиатских кампаний XX века, где обе стороны выкашивали не столько пули, сколько болезни. Но в тот момент печальный опыт ничему не научил торжествующих победителей.

Теперь можно было начинать переговоры. Итог оказался неутешителен: японцы не смогли получить даже «заброшенную» часть острова, а китайская компенсация окупила 10% расходов на экспедицию. Зато теперь появился опыт боевых действий в новых условиях, а острова Рюкю фактически перешли под японский контроль.

Уже в 1879 г. короля Сё Тая поставили в известность: он обязан признать, что Япония – единственный его сюзерен. Срок на размышления – неделя.

Какова была тогдашняя ситуация на Рюкю, понятно, если учесть, что с крестьян на этих островах сдирали две трети урожая в виде налогов. Так что никто от японских агрессоров защищать такое государство не жаждал.

Поскольку Сё Тай проявлял медлительность, на Окинаву прислали свыше 500 военных и полицейских. А заодно и указ императора Мэйдзи: отныне никакого княжества Рюкю нет, а есть префектура Окинава. Сё Таю и королевской семье приказано прибыть в Токио.

Король подхватил политическую болезнь, не желая покидать ограбленную им и его окружением вотчину. Японцы спокойно дождались врачей и освидетельствования Сё Тая. Выхода у него не осталось. Мэйдзи пожаловал экс-монарху третий младший придворный ранг. На том дело и кончилось.

Не вполне ясно, понял ли Сё Тай свое везение, или нет – иные короли за то, что делал он, запросто расставались с головами. Мало того, когда его сын уже в конце XIX века посетил Окинаву, ни один из аристократов не захотел его видеть. А вот крестьяне, которым досталось от правления его династии, проявили сочувствие к свергнутой династии.

Что же до протестов Китая по поводу потери вассальных островов, то японцы махнули на них рукой.

Но ведь Рюкю было так недостаточно!

Последние всплески энергии самурайства

В 1875 г. произошел новый прорыв в международных отношениях. Британия и Франция вывели войска из Иокогамы, а на севере произошло долгожданное территориальное размежевание: Россия получила Сахалин (и сделала его место ссылки), а Япония – Курилы. Японскую делегацию в Петербурге возглавил экс-президент сепаратистской республики Хоккайдо Эномото. После договора Мэйдзи даже попросил у Александра II чертежи и фотографии Зимнего дворца – ему хотелось построить новую резиденцию на русский манер. И российский государь просьбу выполнил.

В этом же году произошло и еще одно эпохальное событие: разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Предполагалась, что вскоре появится и парламент. Народу

пояснили: указ императора служит благу Японии. Народ это принял.

Нельзя было принять другого: не все самураи вписались в новый мир. Многие полученные выплаты промотали, газеты, которые подчас издавались теми, кто несколько лет назад мог поплатиться головой за оскорбление самурая, теперь называли их едва ли не нищими. За что им платить? – спрашивали журналисты.

Даймё не пропали, почти все они стали крупными предпринимателями. А вот их вассалы остались без господ. Прежняя солидарность рухнула, люди отчаялись.

В Кумамото возникла «Лига божественного ветра», основатель которой надеялся на великое очищение – все западная наносная жизнь должна исчезнуть, как флот Хубилая. Даже человек в одежде европейского покроя вызывал у этих людей желание разбросать вокруг очистительную соль. Добро бы все солью и ограничивалось...

24 октября 1874 г. Лига устроила восстание в Кумамото: захватили телеграф (не из-за революционной тактики, просто он был ненавистным символом всего западного), подожгли казарму, зарубили губернатора и зазевавшихся чиновников управления префектуры. Они даже огнестрельным оружием не воспользовались, считая его «нечистым».

Наилучшей пропагандой всего западного стал залп по обезумевшим дикарям со стороны правительственных войск, быстро пришедших в себя после внезапной атаки. Лидеры Лиги все же успели вспороть себе животы, не дожидаясь петли. (Хотя, на мой взгляд, более гуманным выходом стала бы психолечебница).

Еще одни смертники восстали в префектуре Фукуока. Надо ли говорить, что и у них все кончилось быстро – и примерно тем же. Но восстания самураев и выступления крестьян (к счастью, они не дошли до того, чтобы действовать совместно) подрывали имидж страны, да и модернизация без обеспечения безопасности могла захлебнуться. Но то, что период реформ отмечен лишь терроризмом, но не ростом банальной преступности – больше достижение Японии. Видимо, здесь все дело в национальном характере.

В том же году начался настоящий вихрь постановлений об административных наказаниях (штрафах). Надо было восстанавливать имидж, хотя некоторые меры могут показаться разумными, а некоторые – неадекватными. Штрафы взимались за нахождение на улице в раздетом или полураздетом (а тэнгу его знает, что может означать последнее – полиции было виднее), за устроение фейерверков вблизи домов, за ношение женщинами мужской одежды (предтечи феминисток, видимо, уже появились, но им предстояла долгая борьба), за хождение по нужде в неположенных местах, за перевозку нечистот без крышки, за драки и шумные ссоры, за продажу порнографических гравюр (а мы-то, варвары, причисляем их сейчас к произведениям искусства). Кое-какие пункты говорят о том, что имидж Японии некоторые отдельно взятые жители действительно портили, иначе такие постановления просто не появились бы.

И полиция (из бывших самураев) активно принялась за дело.

Все шло пусть и не слишком гладко, но вполне нормально. Однако ход событий нарушился в 1877 г. самым крупным самурайским восстанием. И случилось оно в Кагосиме, столице бывшего княжества Сацума. А лидером восставших, ко всеобщей печали, оказался отнюдь не безумный темный дикарь, а человек, с которым связаны и революция, и модернизация – Такамори Сайго!

Герой или предатель?

Иногда революционные перемены могут подмять самого преданного идеалам революционера. Это и произошло. Сайго претила мирная жизнь. Когда стало ясно, что его не пошлют на убой в Корею, что сама война отменяется, он не выдержал – и удалился от двора в родную Кагосиму. Удалился не один – за ним последовали многие из тех, кто считали «маршала революции» своим старшим соратником или даже господином.

Если в чем-то и можно упрекнуть Сайго, то не в алчности. Пока другие революционеры становились предпринимателями и наживали капиталы, он жил на 15 иен в месяц (весьма скромные деньги по тем временам). Как пишет в своей рабо-

те А.Моррис, девизом этого человека было «Почитать Небеса, любить людей («кэйтэй айдзин»). Это и стало лозунгом восставших.

При этом под «людьми» понимались крестьяне. Он четко различал тех, кто должен трудиться физически и умственно – крестьянство и самурайство. Самураи обязаны любить крестьян, защищать их, проявлять милосердие и сострадание. Сайго и сам так поступал, находясь в ссылке на острове, даже отдавал часть своего рисового пайка голодным. И со слугами он общался вполне по-человечески. Но уравнять крестьян и самураев в правах... Вот это уже было против «почитания Небес».

Философия Сайго Такамори не лишена разумности. Если бы не одно «но» – наследственный отбор в оба сословия и непреодолимость границ между ними. Но Сайго, если угодно, японский вариант автора-деревенщика (он и в самом деле оставил потомкам немало поэм), этого понимать не хотел. Как и необходимости индустриализации страны.

«Находясь в зените славы, Сайго продолжал носить обычную деревенскую одежду, презирая пальто и высокие шляпы, которые так нравились многим его коллегам. Даже когда он бывал в императорском дворце, он был одет в обычную хлопчатую накидку из Сацума с крапчатыми шнурами (сацумагасури), а на свои огромные ступни надевал пару сандалий, или деревянных башмаков. Однажды, покидая дворец во время дождя, он снял свои башмаки и пошел босиком; такое беспрецедентное отсутствие всяких декораций возбудило подозрение охранника, который задержал его до тех пор, пока рядом не проехал в карете принц Ивакура, узнавший в неизвестном полевого маршала и государственного канцлера», – говорит А.Моррис. В этом видно презрение к роскоши, но не ко всему западному – вряд ли нашелся бы более горячий сторонник новшеств.

Понятно, что такие люди при дворе надолго не задерживаются. Тем более что правительство все же нанесло удар по самурайской гордости – теперь даже ношение мечей было запрещено.

Трагичность Сайго видна и в его отношениях с тогдашним лидером Окубо (напомним, что они были друзьями детства).

Последний старался убедить старого приятеля: отмена феодальных вотчин и сословных рамок будет в интересах страны.

Окубо отодвинул решение «корейского вопроса» на неопределенное время. Видимо, этим он подвел черту и под старой дружбой.

Сайго не просто удалился от дел. Конечно, он отдыхал у себя в родных краях, часто ходил на охоту. Даже на гравюрах, а позднее и на памятнике рядом с ним мы видим собак. Но кроме этого открыл несколько частных школ, где готовили «истинных самураев». В весьма военизированной провинции (она таковой и осталась после упразднения княжества Сацума) это было вполне понятно. Никаких подозрений такая инициатива героя революции поначалу не вызвала.

Конечно, идеи свержения императора Мэйдзи не возникло ни тогда, ни потом. Ведь вполне понятно: император – он всегда хороший, вот бояре...

Только когда число «учеников» (или же – «курсантов») Сайго перевалило за 10 тысяч, власти в Токио забеспокоились. В Кагосиму прислали секретных агентов, одного из них немедленно «вычислили». Конечно, сам Сайго Такамори отличался состраданием, но его «ученики» – не всегда. Посему агента стали пытать, добиваясь признания в умыслах покушения на Сайго. Он, естественно, сознался (хотя позднее, оставшись в живых, свои показания совершенно справедливо отверг, чем в который уж раз подтвердил: личное признание – отнюдь не «царица доказательств»).

Примерно в это же время власти намеревались вывезти из Кагосимы оружие и боеприпасы. Но «курсанты», узнав об этом, к ужасу Сайго, узнавшего обо всем позднее, атаковали арсенал. Теперь назад дороги не было, а лидер вскоре успокоился, и, как несколько лет назад перед несостоявшимся посольством в Корею, понял: он должен погибнуть смертью воина.

Тогда война и началась. Сайго Такамори заявил, что выступает во главе правительственных (то есть собственных) формирований. Он движется в Токио, чтобы выяснить все о заговоре и несколько нелицеприятно поговорить с бывшим приятелем.

Понятно, что Сайго пользовался любовью и уважением. Понятно, что по дороге «правительственные войска» обрастали все новыми и новыми добровольцами.

17 февраля 1877 г. войска Сайго в снежную погоду выступили из Кагосимы, а 20 февраля начался открытый военный конфликт: он начал штурм замка Кумамото, что оказалось стратегическим просчетом.

Вероятно, император более всего желал покончить дело миром. Во всяком случае, Сайго Такамори был лишен званий и должностей лишь 9 марта. В любом случае, никакой ненависти к человеку, укрепившему его власть, он не испытывал. Историки говорят о периоде тяжелой депрессии у Мэйдзи. К тому же, у государя случился приступ болезни бери-бери, возникающей от нехватки витаминов (но в то время, как и в древности, когда от бери-бери, судя по описаниям, погиб Ямато-Такэру, об этом ничего не знали). Примерно тогда же бери-бери заболела принцесса Кадзуномия, вдова сёгуна Иэмоти. Если Мэйдзи поправился, то ей доктора помочь не сумели.

В ходе боев замок взять Сайго так и не сумел, зато город Кумамото обе стороны успешно спалили. Не отправились его войска и на Токио. Все, что случилось дальше – это благородная гибель обреченных. Страшно то, что теперь бились друг с другом бывшие товарищи по оружию.

Войска мятежников отступили из Кумамото с огромными потерями. Они вернулись в Кагосиму, но уже почти полностью разгромленными. Оставаться в городе было невозможно, и Сайго принял решение укрыться в небольшой пещере у залива.

23 сентября в расположение мятежников доставили документ от имперского генерала Аритомо Ямагаты, бывшего соратника. Письмо было адресовано не просто коллеге, возглавившему восстание. Оно начиналось так: «Ямагата Аритомо, ваш друг, имеет честь писать вам, Сайго Такамори-кун». Так могут обращаться только очень близкие друзья.

«...Сколь заслуживает сострадания ваше положение! Я, тем более, горюю над постигшим вас несчастьем, так как понимаю и симпатизирую вам.... Прошло уже несколько месяцев с тех

пор, как началось враждебное противостояние. Ежедневно мы несли большие потери. Подчиненные убивают друг друга. Сражаются друг против друга товарищи. Никогда ранее не было столь кровопролитных столкновений, противных устремлениям человечества. И ни один из солдат по обе стороны не имеет ничего против другого...

...Я серьезно прошу вас найти лучший выход из этой прискорбной ситуации как можно скорее, чтобы, с одной стороны, доказать, что настоящая смута не есть ваша истинная цель, а с другой – немедленно прекратить убийства с обеих сторон...»

Кровопролития командующий императорскими войсками не желал. Вероятно, Ямагата прекрасно знал: на компромисс Сайго не пойдет. Письмо было тоже своего рода жестом отчаяния. Ответа на него не последовало.

«В ночь на двадцать третье стояла ясная луна. Соратники Сайго воспользовались ее светом для игры на сацумской лютне, исполнения кэнбу (старинного танца с мечами) и сочинения прощальных стихотворений... В заключение Сайго обменялся прощальными чашечками сакэ со своими старшими офицерами и другими соратниками», – сообщает А.Моррис.

Атаку Ямагата начал с утра 24 сентября. Сайго был тяжело ранен. Идти и, тем более, сражаться он не мог. Отряд уменьшился до 40 человек и таял на глазах. Революционный маршал поклонился в сторону Токио – и совершил ритуальное самоубийство. Его кайсяку Синскэ Бэппу удалось после завершения обряда спуститься к подножию горы – но лишь затем, чтобы объявить о гибели господина и кинуться под ружейный огонь солдат Ямагаты...

Приказ теперь был один: никакого неуважения к поверженному врагу. Сам Ямагата поклонился голове Сайго, а солдаты, предположительно ранившие его, пребывали в глубоком горе.

Монумент в Кагосиме появился еще до того, как власти реабилитировали героя революции. Ему была суждена та же посмертная слава, что и Ёсицунэ, и другим подобным героям. Народ сомневался в том, что непобедимый Сайго может вот просто так умереть, даже столь благородно. И появились уже вполне близкие по времени легенды. Например, Марс, нахо-

дившийся той осенью в противостоянии Земле, некоторые почитатели Сайго истолковали по-своему: герой не умер, а превратился в звезду.

Имелась и другая, куда более рациональная версия: Сайго не погиб, а смог скрыться на русском корабле, и теперь он находится в России. Эта легенда позднее едва не получила фатального продолжения.

Попутно замечу, что именно Такамори Сайго послужил прототипом лидера мятежников Кацумото в американском фильме «Последний самурай» – очень красивом, но почти не имеющим отношения к реальной истории.

Уже в 1882 г. отец Николай, осмотрев «мемориал» в Кагосиме, писал: «Знать, за ним есть польза, и эта польза несомненно есть, это – кровопускание, чрез которое избыток беспокойных сил Японии испарился...»

Этими словами, приведенными А.Н.Мещеряковым, и хотелось бы закончить часть книги, посвященную революционной реставрации. Но до континентальных войн, о которых так мечтал Сайго, осталось еще несколько лет. И не вся «беспокойная кровь» Японии будет растрачена даже в них, кое-что останется и для XX века.

Глава 45

Путь к конституционной монархии и континентальным войнам

Береженого хранит Будда.
А если бы не было нас,
Кто бы небереженых стерег?
Юрий Нестеренко, из хайку
«Японский городовой»

Уделять большое место в повествовании инциденту с будущим императором Николаем II я бы не стал. Тем более что сразу признаюсь: никаких монархических симпатий у меня нет и в помине. Но дело заключается в другом...

Еще в СССР некий популярный беллетрист, писавший на исторические темы, дал свое видение этого инцидента. Книга вышла бойкой, хотя и с несколько передернутыми фактами. Давать здесь название той давней книги и даже приводить фамилию автора я считаю неуместным, тем более что этот человек уже давно скончался. Но вот его измышления, как я установил, умирать не собираются. И ощутимо портят имидж страны, но уже не Японии, а России (дело тут вовсе не в самом Николае II). У нас в истории достаточно реальных неприятностей и малосимпатичных личностей, чтобы умножать их число ложью.

Пусть читатель простит меня за многословные объяснения, теперь постараюсь излагать именно факты. Впрочем, глава будет далеко не только о деле городового. И начнем мы с общей исторической картины.

Перемены продолжаются

Восстание Сайго Такамори не затормозило перемен. Теперь Япония была кое в чем если и не впереди планеты всей, то вровень с теми, кто впереди. В том же злосчастном 1877 г. страну посетил Александр Белл, изобретатель телефона и вероятный прототип Шерлока Холмса у Конан-Дойля. И не просто посетил, а создал телефонную линию Токио – Иокогама. А ведь телефон был создан всего лишь год назад!

Еще во время войны власти озаботились созданием Токийского университета. Для преподавания были избраны западные науки, но создатели не забыли и о национальной культуре, изучению которой было отведено немало времени студентов.

Огромное внимание привлекли Промышленные выставки 1877 и 1881 гг. Целью было не увеселение, а знакомство с передовыми технологиями промышленности и сельского хозяйства.

Но и рыболовство, которое раньше казалось низким занятием, не избегло внимания императора. В 1883 г. он отправил обращение к участникам выставки морских промыслов, что прежде было бы невероятным. Возможно, тут сказалась интуиция. Ведь рыба и морепродукты – основа поступления белков в меню японцев. Мясо могли позволить себе далеко не все, а потребление обрушенного риса «для богатых» (лишенного витаминов) вело к болезни бери-бери.

В 1881 г. началось систематическое исследование японской древности. Именно в это время американский ученый Э.Морс открыл «раковинные кучи» и «веревочную керамику» культуры Дзёмон.

Япония продолжала не только смотреть на Запад и учиться у него, но и показывать свои достижения. Организация школьного дела в стране получило первую премию Всемирной выставки в Париже. Все шире гремела слава японских художников, особенно известным оказался Кацусика Хокусай и его серия гравюр под ласкающим слух любого любителя современной японской культуры – «Манга». Парижские салоны стали признанными законодателями моды – и уже в 1880-х Ван Гог создал свой знаменитый автопортрет в образе буддийского монаха.

Но многим японцам в то время не нравилось такое отношение к «экзотичности»: они-то полагали, что культура прежних эпох отражает феодализм, она просто недостойна интереса. А ведь у страны теперь есть чем гордиться по-настоящему: фабрики, заводы, железные дороги! Японские острова – это вовсе не музей древностей!

Время расставило все акценты в этом споре.

Если говорить об искусстве, то постепенно уходил в прошлое запрет на изображение императора. Теперь и портреты, выполненные в западной манере, и изображения на гравюрах перестали быть редкостью. Они использовались теперь для пропаганды государственности. Появляются во множестве и такие работы, как «Зерцало японской знати» (император, императрица и престолонаследник, родившийся в 1880 г.), «Мэйдзи в окружении иноземных монархов» (почему-то президента США назвали «королем» – тем самым титулом, от которого с презрением открестился Вашингтон), «Мэйдзи и Харуко на спектакле артистов Кабуки», «Император Мэйдзи наблюдает за соревнованиями по сумо», «Придворные дамы за шитьем европейской одежды» (в центре – ее величество, уже сменившая национальный костюм на европейское платье).

Последнее нужно подчеркнуть особо: императрица Харуко обратилась через газету к женщинам Японии, призвав их последовать примеру. Ее идеи прямо соответствовали течению революции – оказывается, национальный женский костюм в древности очень даже напоминал европейский. А уж потом пришел черед кимоно.

Даже европейцы, например, германский церемониймейстер Оттмар фон Моль, работавший по контракту в министерстве императорского двора с целью обучения европейским манерам, были куда менее радикальны...

Соответствие древним устоям иногда принимало совсем уж крайние формы, удивительные для западного человека. Императрица стала инициатором издания книги «Женщин примерное зерцало» – биографий великих женщин стран Запада, которые могли бы послужить примером для японских аристократок. Оказалось, что заветам Конфуция следовали матери

Джорджа Вашингтона, Гёте, а также... Жанна д'Арк. А вот рассказ о некоей бедной девушке из города Нью-Йорк (его приводит в книге об эпохе Мэйдзи А.Н.Мещеряков: «Ее родители были старыми, больными и бедными. В холодную зиму им не хватало денег, чтобы купить дров и согреться. Их юная дочь не могла прокормить их. И вот она увидела объявление дантиста: тем, кто согласится продать свои здоровые передние зубы, он обещал по 15 иен за штуку... Бедная девушка отправилась к врачу, но после того, как она поведала ему свою печальную историю, он настолько поразился ее дочерней преданности, что отказался рвать у нее зубы и, обливаясь слезами, дал ей 15 иен просто так».

Комментировать тут нечего, даже сравнение со знаменитым рассказом О'Генри «Дары волхвов» окажется бледным. Жаль, конечно, что нет и его пересказа на конфуцианский манер.

...В конце XIX в. японцы начали массово открывать для себя западную литературу. А на Западе, в свою очередь, читатель познакомился с такими авторами, как Мурасаки Сикибу. Но и тут некоторая разница подходов все же имелась: хэйанскую культуру при сёгунате Токугава считали безнравственной, и это представление оказалось устойчивым. К тому же, писательство вообще считалось прежде неким «низким» уделом. Только в середине эпохи Мэйдзи положение стало меняться.

Изменились и развлечения. В 1887 г. премьер Хиробуми Ито устроил даже вполне европейский бал-маскарад для новой японской знати и иностранцев, и вот там-то японские костюмы пригодились – наряжались не только европейскими персонажами, но и героями японских легенд. Не обошлось и без последующих газетных скандалов – тоже, в общем-то, в западной традиции. Правда, сторонники традиций обиделись не столько на возможность фривольности, прикрытой масками, сколько на лицедейство и актерство людей из высшего эшелона власти.

И император вновь подавал пример, посещая представления Кабуки и намекая – не следует отбрасывать родную культуру и традиции в погоне за Америкой и Европой.

Еще одна важная черта того времени – эмиграция. Нам слишком хорошо знакома подобная картина: люди уезжали из стра-

ны туда, где им, «дешевой рабочей силе», платили во много раз больше, чем у себя дома. Так в США и Южной Америке стали формироваться японские диаспоры.

В свое время десятки тысяч японцев оказались в американских концлагерях в годы Второй Мировой. Теперь же японская диаспора приносит славу Америке. Оттуда вышло немало знаменитых спортсменов, ученых, есть даже астронавты. В Перу японская диаспора дала в 1990-е гг. главу государства. Впрочем, управление Альберто Фухимори считается жестким и связано с трагическим для его исторической родины эпизодом, которого мы еще коснемся.

С историей болезней и борьбы с ними в те годы оказалось неважно. То, что открытые порты вели к заражению сифилисом, который до открытия антибиотиков толком не лечили – это вполне ясно. Но крестьянство, больше надеявшееся на обряды, становилось жертвой холеры. Как сообщает А.Н.Мещеряков, люди призывали заразу «уйти в соседние деревни, что, естественно, вызывало недовольство тамошних жителей и даже столкновения». Болезнь уходила в означенные пункты и так. Вот только оставляла после себя трупы...

В 1886 г. от холеры скончалось 110 000 человек. По крайней мере, тогда японцы уже уяснили, что источник заражения – грязная вода. Пригодился и буддийский способ захоронения – кремация.

Страшной оказалась и эпидемия гриппа в 1891 г., затронувшая даже тяжело переболевшего императора. Некоторые из придворных, которые весьма помогли революции-реставрации, скончались.

Во внутренней политике Японии все было отнюдь не радужно. Самое неприятное – полностью терроризм все же не преодолели. Но страна все же двигалась к полноценной конституции.

Гибель Тосимити Окубо

Бывший друг детства и юности ненадолго пережил Сайго Такамори. Приятельские отношения грубоватого романтика и придворного бюрократа давно закончились. Если Окубо и праздновал победу, то недолго – до 14 мая 1878 г.

Самурай из Канадзавы Итиро Симада стал во главе заговора. Он же отправил незадолго до покушения письмо самому Окубо с предупреждением об опасности. Симада сообщил о причинах теракта: прозападнические настроения, игнорирование требований самурайства, отказ от войны с Кореей. Об этом хотел поговорить со старым товарищем и Сайго.

Предупреждение было, но министр ему не внял. Даже пистолета с собой на следующий день Тосимити Окубо не захватил. Его захватили на пути к дворцу. Самураи остановили экипаж, покалечив лошадей, убили кучера, а затем изъяли из кареты министра и зарубили катанами. После чего пошли сдаваться сами, назвав сообщниками весь японский народ.

Убийц казнили, но их голов на обозрение больше не выставляли. Теперь в отношении смертной казни Япония оказалась даже более цивилизованной, чем Франция. Министру устроили государственные похороны и, как ни удивительно, на синтоистский манер. В этом тоже видны перемены: прежде заупокойные службы возлагались на буддийских монахов.

После только что закончившейся гражданской войны, гибели Окубо и локального мятежа в столице император подал пример бесстрашия. В том же году он отправился в очередную поездку по стране, несмотря на попытки отговорить. Охрана Мэйдзи по нынешним временам может вызвать лишь улыбку: 400 солдат при 300 человек свиты.

Именно во время этой поездки император впервые увидел нищету деревень, где подчас не находилось ни одного человека, знающего грамоту. Он покидал паланкин, когда оказывалось, что только что отремонтированные дороги размыло после дождей. Приходилось двигаться через горные перевалы, ночевать в строениях, полных комаров. Государю хотелось понять, сколь тяжело приходится его подданным, изучить их жизнь. Каково было воспитаннику двора Киото, нам невозможно себе вообразить.

...Если японцы сегодня гордятся своим уровнем жизни, то они во многом должны быть обязаны тем, кто не захотел строить на пути императора Мэйдзи «потемкинские деревни». И ему лично – за то, что не признавал подобной лжи.

Движение к политической реформе

В 1881 г. стало заметно, что разгул либерализма вводится в определенные рамки. В школах большее предпочтение отдавалось конфуцианским принципам послушания. Но Движение за свободу и права народа продолжало действовать. Основной его мишенью стало засилье в правительстве выходцев из бывших княжеств юго-запада – Сацумы и Тёсю. Существовал запрет на митинги, но можно было проводить лекции, чем активисты движения и пользовались. Заявила о себе и Либеральная партия («дзию-то», или же «партия свободы»). Но восстание 1885 г. в районе Татибу, в котором участвовали крестьяне и много рядовых активистов движения, на время положило конец такой форме политической деятельности.

Именно антимонархическое меньшинство из их рядов запустило идею о том, что первый император Дзимму-тэнно прибыл из Китая, завоевав Японию. Таких лекторов арестовывали, а собрания разгоняли.

12 октября того года Мэйдзи пообещал принятие конституции через девять лет. Но следующий год ознаменовало нечто противоположное, ведущее к милитаризму – указ императора, обращенный к военным. Документ считался важнейшим и в годы Второй Мировой. Основное для воина – верность императору и Японии, скромность, честность. Государи древних времен были главнокомандующими армии, но императорский двор утратил мужественность на определенном этапе – и военные стали править страной вопреки воле владык, а крестьяне утратили право на оружие. Теперь же все возвращается на круги своя.

Проще говоря, император должен стать единственным господином для любого солдата, у которого есть начальство, но сюзерена, кроме государя, нет. Любопытно, что автором этого указа был идеолог, поддерживавший в свое время клан Токугава – Гэнъитиро Фукути.

Антилиберальная кампания набирала обороты. Быть может, на это повлияла гибель от рук террористов русского императора Александра II, после чего японский государь объявил траур в своей стране. в 1885 г. прекратились поездки Мэйдзи по Японии.

С японцами стали разговаривать почти на равных. Первый иноземный монарх, ступивший на японскую землю – это король тогда еще не потерявших остатки независимости Гавайев. Но орденами награждали Мэйдзи и Германия, и Италия, его посетил экс-президент США Грант, соратник Линкольна.

Быть может, самое важное международное событие тех лет – попытка отмены неравноправных договоров. Японцы требовали пересмотра статей об экстерриториальности и таможенных тарифах, взамен обещая разрешить иностранцам свободу передвижения, а затем и торговли.

Большинство западных государств (и Россия в их числе) были готовы дать согласие. Лишь Британия оказалась против, и вопрос отложили.

Незадолго до принятия конституции был заключен вполне равноправный договор. Пока что – с Мексикой. Главной особенностью стал режим наибольшего благоприятствования и право владения недвижимостью. Британцы и французы потребовали того же права – теперь уже можно было и проигнорировать их настойчивость.

В 1882 г. едва не исполнилась мечта Такамори Сайго. В корейской столице вспыхнуло восстание, вызванное внутренними причинами, но заодно мятежники убили японского военного атташе, и разгромили миссию. Китай усмирил восстание в вассальной стране, но Япония заставила корейцев платить, а заодно заявила, что намерена добиваться независимости Кореи.

Прежний высший руководящий орган – Дадзёкан – упразднили в конце 1885 г. Власть переходила к кабинету министров европейского образца, первым премьером стал Хиробуми Ито.

Конституция

Император полностью выполнил свое обещание относительно конституции станы. 30 апреля 1888 г. был созван Тайный совет – из старших членов императорской фамилии и главных министров. Основной задачей нового органа стала подготовка конституции.

В столице заканчивалось строительство императорского дворца, в котором предполагалось принятие конституции. Не-

смотря на чертежи Зимнего дворца, фасад больше напоминал японский стиль. Но интерьеры различались. Апартаменты Мэйдзи были выдержаны в национальном духе, там не провели даже электричества (государь предпочитал свечи). Зато помещения для церемоний государственного характера выполнили на западный лад – с коврами и вполне европейской мебелью. Резиденция сама по себе стала символом двуединого развития. Новшеством оказалась и большая площадь перед дворцом – прежде такого в японских городах не было. Теперь люди, видящие императора, должны были не безмолвствовать, как прежде, а скандировать: «Тэнно банзай!» («Десять тысяч лет жизни – императору!»)

Понятно, что конституция узаконила императорскую власть – правление «извечной династической линии», как сказано в документе. Неприкосновенность, неподотчетность, право издания законов, созыва парламента и его роспуска, пост верховного главнокомандующего – все это было оставлено для Мэйдзи. Трон передавался прямым потомкам по мужской линии (так происходило и в XX веке), Киото отводилась роль Реймса в королевской Франции – город становился церемониальной столицей.

Политические партии признавались. Парламент созывался на британский манер – из назначаемой государем верхней палаты пэров и избираемой нижней палаты.

Выборы состоялись на следующий год. Право голоса получили мужчины, которым исполнилось 25 лет, платящие налоги не менее 15 иен (в то время – довольно большая сумма для налогообложения). То есть, из почти 40-миллионного населения избирателей оказалось чуть более 450 000. Палата пэров оказалась проправительственной, нижняя палата – оппозиционной.

Права и свободы граждан прописали, однако всюду имелись оговорки, позволяющие их отменять.

Абсолютизм абсолютизмом, но традиции коллегиальности для Японии были важны практически всегда. Встречались в стране в прежние времена и диктаторы, но им тоже приходилось блюсти баланс интересов. Заметим, что даже фашистский режим не дал единоличного вождя, хоть сколько-нибудь подобного Гитлеру или Муссолини.

11 февраля 1889 г. конституцию утвердили на торжественной церемонии в императорском дворце. Перед ее началом император не забыл испросить благословения у богов синто, дабы они оказали поддержку окончательному вступлению его страны в цивилизацию. Оповестили и богов в главных храмах – Ясукуни и Исэ, могилы Дзимму-тэнно, Комэя, скончавшихся ранее выдающихся деятелей революции. Император объявил амнистию политическим преступникам, был посмертно помилован и Такамори Сайго.

Десятиминутная светская процедура завершилась приемом из рук императора текста конституции новым премьером, которым стал Киётака Курода. После этого Мэйдзи появился и перед праздничным народом. Последовавший военный смотр явно намекал на будущее. Но пока народ и в Токио, и во всей стране веселился, даже не всегда осознавая, что произошло. По крайней мере, многие восприняли это торжество, как праздник в честь богов синто (и недалеко ушли от истины).

Увы, печальным знамением стало убийство в этот день министра просвещения Аринори Мори. Он пал жертвой фанатика-террориста, который, в свою очередь, был убит. Правда, при нем нашли письмо с пояснением: этот человек поверил в версию осквернения святых символов прозападным министром (что оказалось абсолютно неверным). 18 октября того же года еще один террорист воспользовался западным (увы, российским) методом: он швырнул бомбу в экипаж министра иностранных дел Сигэнобу Окумы, тяжело ранив его. Любопытно хладнокровие и преступника, и жертвы. Террорист лишил себя жизни на месте взрыва, перерезав себе горло. Окума же после ампутации ноги велел заспиртовать ее и преподнес Красному Кресту Японии.

Теперь общество вновь качнулось в сторону ксенофобии, и это было слишком заметно... Но ведь и Запад не пошел на уступки.

«Японский городовой»

Вот мы и добрались до эпизода, ставшего первой (и, увы, далеко не последней) мрачной тенью на отношениях наших

стран. Но, прежде чем говорить о визите российского престолонаследника, нужно сказать и о другом.

Православие, пусть не в таких масштабах, как протестантизм и католичество, привилось в Японии, смогло пустить корни на этой земле. Уже в 1970 г. Русская Православная Церковь признала отца Николая святым – равноапостольным (т.е. распространявшим веру среди язычников).

Хотя он смог получить разрешение на строительство в Токио на пожертвования из России Воскресенского собора, путь его не был гладким. Еще в 1890 г. отца Николая предупреждали о возможности покушения террористов. К счастью, этого не случилось. Собор был построен, но погиб при землетрясении 1923 г. Его восстановили, но теперь он отнюдь не может считаться одним из самых высоких зданий столицы. Высотные здания победили ландшафт.

А на весну 1891 г. был намечен визит русского цесаревича. Подобного рода визиты уже проводились принцами иных государств, но к России имелось особое отношение: наши страны – соседи. Император Японии прекрасно понимал, кто и как заключал соглашения, кто и как на самом деле относится к его стране. И Россия не зря пользовалась уважением, хотя ее амбиций могли и побаиваться. Но все визиты в нашу страну принцев из японской династии проходили на высшем уровне, хотя в других странах чувствовалось некоторое пренебрежение.

27 апреля престолонаследник вместе с двоюродным братом Георгом Греческим прибыл в Нагасаки на фрегате «Память Азова». Цесаревич покупал сувениры, прокатился на рикше, даже, к удивлению японцев, сделал цветную татуировку – изображение дракона на правой руке. Во всем мире японские мастера татуировок считались лучшими в мире, но в самой Японии татуировки считались принадлежностью низших сословий, а то и преступников, татуировщики порой работали полулегально.

В Страстную неделю будущий российский император посетил русское кладбище в Инаса. При этом он не мог дождаться, пока откроют ворота, а просто перепрыгнул через забор.

После Пасхи цесаревич Николай уже официально осмотрел синтоистский храм, выставку керамики. Имелась и «неофици-

альная часть» программы: вечером после застолья в ресторане он и Георг Греческий провели ночь с японскими девушками легкого поведения. (Вот тут, конечно, можно и воспылать гневом, и осудить – но, честно говоря, цесаревич не сделал ничего, за что можно было бы упрекнуть молодого, вполне здорового и свободного человека 23 лет от роду; более того, он показал себя приверженцем православия, поскольку не стал развлекаться в Страстную неделю).

Престолонаследник посетил и Кагосиму, чего не делалось никем из официальных лиц ранее. И тут поползли самые темные слухи, оживилось предание более чем десятилетней давности. Мол, на самом деле визит не случаен, ведь ходили же слухи, что Такамори Сайго не погиб, а был вывезен в Россию. А сейчас русский цесаревич его вернул. И теперь...

Относительно этого «теперь» мнения разделились. Одни говорили, что Сайго приехал, чтобы навести порядок в стране: помочь беднякам, стать во главе экспедиционного корпуса в Корее, заставить, наконец, поменять навязчивые неравноправные статьи договоров. Ведь недаром не так давно его реабилитировали...

В этом варианте легенды России отводилась самая положительная роль. Была выпущена даже гравюра: цесаревича и стоящего рядом с ним Сайго приветствуют в Кагосиме.

Но предполагалось и кое-что иное: прибытие Сайго означает новую гражданскую войну. Русского престолонаследника сопровождает крупная флотилия. Дело может кончиться очень плохо.

На беду (собственную и международную) некий бывший самурай, плохо вписавшийся в новую жизнь и страдавший расстройством психики, воспринял именно вторую версию слухов.

На самом деле, Николай и Георг прибыли без Сайго. Они встретились с самым консервативным из бывших даймё – Тадаёси Симадзу, который так и не отказался ни от старой прически, ни от одежды. На сей раз русский престолонаследник мог увидеть настоящие самурайские традиции: боевые танцы, стрельбу из лука по движущейся мишени. Цесаревич и сам

был не чужд консерватизма, поэтому прием пришелся ему по душе.

Побывал престолонаследник и в Кобэ, а затем прибыл на поезде в Киото. Он посетил императорский дворец, осмотрел буддийские храмы, сделал пожертвование в 200 иен в помощь бедным (а это – двадцать-двадцать пять месячных зарплат тогдашних японских полицейских).

Дальнейшее путешествие должно было проходить в компании принца Арисугавы в колясках, которые везли рикши. Целью был город Оцу на берегу озера Бива – того самого озера, чья красота в свое время отвлекла полководцев клана Тайра от войны. 11 мая путешественники прибыли в город Оцу, где японцы, как и повсюду, приветствовали их.

Увы, японские традиции весьма поспособствовали тому, что случилось дальше. Дело в том, что к императорам или принцам нельзя поворачиваться спиной. Никому нельзя, даже охранникам. А уж при императоре вообще следует пятиться, уходя после аудиенции. Кроме того, надо было отследить, чтобы горожане сняли шляпы, закрыли зонты и т.д. Разорваться, требуя соблюдения приличий и одновременно следя за появлением возможной опасности, полиция не смогла. Пожалуй, это стало хорошим уроком для будущих охранников, хотя киносъемка еще не была изобретена, и нам известно обо всем со слов очевидцев.

Один из полицейских на узкой улочке бросился к пятой коляске процессии, в которой ехал русский цесаревич, и нанес удар клинком, целясь в голову. Николая отчасти спасла шляпа-котелок, удар оказался чуть скользящим. Террорист сделал и еще одну попытку – и вновь прямой удар не получился, помешал один из рикш. Сам цесаревич выпрыгнул из коляски и бросился бежать. Первым опомнился Георг Греческий, попытавшись догнать преступника и салить ударом трости. Но сделать этого он не смог, хотя и задержал нападавшего, после чего подоспел рикша. Несостоявшегося убийцу взяли живым.

Японское правительство пребывало в панике, первое сообщение от принца Арисугавы было страшным: цесаревич ранен крайне тяжело (вероятно, было много крови, что и вводило в

заблуждение). Боялись, что Россия потребует огромной компенсации или уступок территории, что разразится война. Император Мэйдзи самолично выехал в Киото, на следующий день он уже навестил раненого. Прибыл туда и отец Николай.

Раны и в самом деле оказались тяжелыми, но не столь жуткими, как показалось Арисугаве. Позднее Николай II страдал головными болями, которые связывают с травмой.

Но вот скороспелые гравюры, на которых изображены взаимные приветствия русского цесаревича и японского императора на вокзале в Токио, оказались теперь неуместными. Престолонаследник отказался от продолжения путешествия.

Его можно вполне понять: он отлично знал, что такое терроризм. Его царственный дед погиб от рук бомбистов.

Император Мэйдзи все же встретился с Николаем, но совсем не так, как предполагалось. Их встреча прошла вполне дружественно, русский престолонаследник продемонстрировал: он относится к Японии дружелюбно, а сумасшедшие есть в любой стране.

И это было так: один психически больной человек едва не разрушил сложившиеся связи двух стран. Сандзо Цуда происходил из самураев, в свое время он участвовал в ликвидации мятежа Сайго, а затем поступил в полицию. Судя по его показаниям, этот человек страдал комплексом Герострата, к тому же, всерьез поверил в возвращение Сайго, который, конечно же, отомстит тем, кто расправился с восстанием (и ему, Цуде, персонально). Мало того, ему показалось, что цесаревич находится в Японии со шпионской миссией.

«Японского городового» судили и обошлись довольно гуманно: приговорили к пожизненному заключению. Впрочем, пожизненный срок закончился в том же году. Есть версия, что причиной стала болезнь, есть и другая – этот глубоко больной человек уморил себя голодом. В любом случае, обращались с ним хорошо.

Заметим, что в Японии никто не выразил ему сочувствия. Семье Цуды в его родной деревне фактически объявили бойкот (что, разумеется, совсем не хорошо). Престолонаследнику слали телеграммы сочувствия. Некая женщина 27 лет (возможно,

и она не была вполне здоровой) закололась кинжалом в Киото из-за национального позора. Ведь престолонаследник прибыл по приглашению императора, а значит, удар по нему – это удар и по Мэйдзи.

Рикши были награждены японскими (знаком листьев павлонии ордена Восходящего Солнца) и русскими (св. Анны) орденами, а Россия платила им большую ежегодную пенсию. Трость, которой Георг Греческий ударил террориста, отвезли в Петербург, украсили драгоценными камнями и отправили в Афины. Японцы заменили министра иностранных дел, и кто же был вновь назначен? Все тот же первый и последний президент республики Хоккайдо Такэаки Эномото, известный своими симпатиями к России.

Жизнь постепенно восстановилась. Но восстановилась ли поколебленная дружба?

Конечно, вряд ли можно серьезно утверждать, что русско-японская война стала следствием инцидента в городе Оцу. Но личности значат в политике гораздо больше, чем говорилось нам на уроках истории в советское время. В любом случае, ясно одно – русский цесаревич вряд ли мог забыть случившееся.

История не знает «если бы», но все же...

Альтернативный путь № 11. Православная Япония.

Конечно, вряд ли можно вообразить обстоятельства, при которых отец Николай мог исполнить свою самую заветную мечту – крестить самого императора Мэйдзи. Но ситуация, когда православная община становится более влиятельной в Японии, чем это случилось в действительности, выглядит вполне реальной. При этом синтоистские храмы, конечно, никуда не денутся. А японские подданные православного вероисповедания станут молиться за языческого императора (так оно, впрочем, и было).

Есть большое искушение сказать: вот тогда было бы возможно избежать русско-японской войны, ведь два государства, между которыми имеется духовное единство...

Но это – вряд ли. История знает совсем иные примеры: в 1912 г. в кратких, но жестоких балканских войнах православные болгары воевали против православных греков. Во время Второй Мировой эта ситуация повторилась. А войн между католическими странами Европы было такое множество, что перечислять их нет смысла.

Поэтому Япония с крупной и влиятельной православной общиной – это лишь возможность для принятия большего числа белых эмигрантов после гражданской войны. Возможно, это усилило бы проблемы во взаимоотношениях между Японией и Советской Россией.

Научно-популярное издание

Дейноров Эльдар

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

Редактор *Владимир Васютенко*
Художественный редактор *Ольга Адаскина*
Компьютерная верстка *Николай Круглов*
Корректор *Мария Миронова*

Подписано в печать 10.05.11. Формат 84x108 $^1/_{32}$.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 3000 экз. Заказ № 946

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru